

The illustration depicts a woman with long, flowing red hair and green eyes. She is wearing a green tunic with brown leather accents and a brown cape. She is holding a small, glowing red crystal in her outstretched hand. The background features a large, arched window with a gothic design, through which a bright green light is visible. The overall style is a detailed, painterly illustration with a dark, atmospheric tone.

Анна
Катнер

ПЛЕННИЦА
ПРОРОЧЕСТВА

Анна Катнер

Пленница пророчества

Серия «Young Adult. Молодежное
руссийское фэнтэзи»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70069471
Пленница пророчества / Анна Катнер: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-196725-3*

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались о пророчествах? Представьте, что очень давно дряхлый маг посмотрел на звезды и его осенило – вот оно, великое предзнаменование судьбы. Да только пророчества – не то, чем кажутся на первый взгляд. Поняв все превратно, мои враги решили, что я планирую занять трон.

Меня зовут Риланна, я незаконнорожденная принцесса, и мне крупно не повезло: сначала меня похитил колдун-наемник, затем за мою голову назначили награду, а после ненавистный тюремщик решил очистить свою совесть, выдав замуж за того, кого я даже не знаю. Милостью врагов пророчество начинает сбываться, и теперь мне предстоит сразиться с Темным магом и его армией мертвых. Может ли мое положение стать хуже? Еще как, ведь на эту битву я иду ради человека, которого раньше ненавидела...

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	12
Глава 2	40
Глава 3	58
Глава 4	88
Глава 5	109
Глава 6	129
Глава 7	143
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Анна Катнер

Пленница пророчества

© Анна Катнер, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Иллюстрация на обложке Karma Virtanen

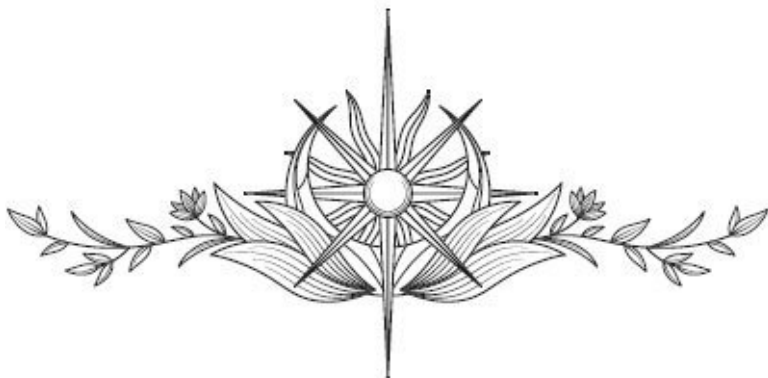
Художественное оформление Игоря Пинчука

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Oleksandra Kryvonos, Kirill.Veretennikov, Nyeengeng, 2d collection, Elena Paletskaya / Shutterstock.com

* * *

Вместо пролога

– С добрым утром.

– Чтоб ты провалился. – Я подняла лицо над водой, отфыркнулась и в бессильной ярости сжала края медного таза.

– И я тоже радуюсь этому чудесному утру. – Колдун отпустил мои плечи и отошел на полшага. Посмотрел сверху вниз и надменно, чуть ехидно ухмыльнулся. Для него это все – игра, развлечение удивительное.

– Я буду там, когда тебя распнут у главных ворот.

– О, непременно.

– Сама буду вбивать в тебя гвозди.

– Обязательно. – Он рассмеялся, швырнув мне в лицо полотенце. – Все будет именно так.

Я молча утерлась. А что говорить? Это наше уже почти ритуальное приветствие: он желает мне доброго утра, а я ему – скорейшей и мучительной смерти. Так вот и живем в этом богами забытом местечке. Мерзкий колдун и посрамленная принцесса. Идеальная пара.

– Ну, чего расселась? – забрюзжал он, поднимая меня с земли за шкуру. – Завтрак сам себя не приготовит.

И то верно. По утрам есть хочется особенно сильно, да и природа располагает – лес дремучий, горы, заросшее озеро и кусты малины, куда ни плюнь. Вот только плевать уже нет желания – отучил, гаденыш.

Гордо распрямив плечи, сбрасываю тяжелую руку колдуна и иду к хижине. Поругаться еще успеем, весь день впереди, а на голодный желудок язвить у меня не получается. Впрочем, на сытый тоже. Да и куда мне, шестнадцатилетней пигалице королевских кровей, тягаться в сквернословии с матерым колдуном? Я ему целую тираду, а он мне – одно слово, да такое, что потом на душе гадко-гадко. И тоскливо.

Хижина наша древняя, покосившаяся, снаружи неопрятная, но внутри – моим трудом – чистая и даже немного уютная. Крыша только прохудилась. Да и наплевать, колдун сказал, что сам починит, мне молоток не доверяет, подлец. И правильно. Забыю и не поморщусь.

Утро как утро – такое же, как и вчера, и позавчера, и месяц назад, и полтора. Подъем и холодный таз с водой. Помню, в первый день думала, что он меня утопить хочет, бры-

калась, на весь лес голосила. Но нет – окунул разок-другой и точно так же швырнул полотенце с вышитыми малинками. Даже произнести ничего не могла – стояла на коленях, сжимая несчастную тряпку и глотая слезы. А теперь так и подмывает «спасибо» сказать.

Половицы скрипят на все лады, но только под моими ногами. Колдун умудряется ходить по дому бесшумно. Пакость такая. Один от него плюс: печь топить не надо. Стоит ему только пальцами щелкнуть – уже нагретая.

Управившись с большим горшком, устало вытираю руки о юбку. Ошейник от жара немного нагрелся, но это пустяки по сравнению с прошлым разом, когда он прожег кожу чуть ли не до мяса. Но тогда я попыталась сбежать, так что виновата сама. Та еще идиотка – с колдовской подвеской по лесу носиться.

– Иди сюда, – голос у колдуна даже приятный, когда не злится: властный, успокаивающий, глубокий. Да и сам колдун не такой уж и страшный на вид: крепкий, высокий, правда в плечах уступает моему любимому рыцарю. Красивым колдуна назвать язык не поворачивается: черты хоть и правильные – прямой нос, высокий лоб, но на лице всегда такое выражение, будто он на весь мир обижен. А глаза пугающие – светло-голубые, похожие на два осколка льда. Хотя, может, и был бы красавцем, если б не омерзительное колдовство.

Я послушно подошла к нему и села у ног. Не дожидаясь указаний, закатала левую штанину и распутала грязные бин-

ты. Под ними – большая рана.

– Сегодня только три капли. – Колдун отвернулся к окну, с деланным вниманием рассматривая простенькие шторы. А я послушно откупорила бутылек, отсчитала три капли тягучего, резко пахнущего зелья, и снова замотала его лодыжку. – И зятяни потуже.

Да хоть так, чтоб вся ступня отсохла! Хотя нет, иначе сведет в могилу своим ворчанием. А вообще он не злопамятный. Если б меня стая волков попыталась сожрать, пока я ловлю сбежавшую полоумную дворянку, я бы одними словами не ограничилась. А он только наорал да пригрозил больше не искать. Но до меня и с первого раза дошло.

Какое-то время сидим в молчании. Хотя в чем-то мы с колдуном схожи: ругаться натошак ему не нравится так же, как и мне. Вот после еды – самое то. Иногда я пытаюсь перебороть свою ненависть к этому человеку, стараюсь посмотреть на него по-иному. Не получается. Как ни крути, мерзкий колдунишка, который, как в сказке, похитил прекрасную принцессу. Хорошо, не прекрасную, а миловидную. И, формально, не принцессу. Но ему-то откуда это знать?

От печи начал исходить вкусный запах, в желудках требовательно заурчало, и я без лишних слов отправилась хозяйничать. В лесу выбора немного – ешь то, что есть. В плену и того меньше. Колдун уже расселся за столом и в издевку утерся салфеткой. Так и хочется его чем-нибудь огреть. Хорошенько так, чтоб не улыбался больше.

– Приятного аппетита. – Мужчина одобрительно посмотрел на полную тарелку каши. В этот раз она получилась что надо: не сгорела, не разварилась и даже не слиплась в один скользкий комок.

– И тебе подавиться, – быстро проглотив пару ложек, ответила я. С колдуна станется оставить без завтрака.

– Вот все не могу понять: вроде бы принцесса, но манер и такта в тебе меньше, чем у дочери пастуха. – Он с аппетитом пережевывал кашу.

– Какое общество, такие и манеры, – беззлобно огрызнулась я. Не говорить же колдуну, что большую часть жизни я провела в компании служанок, поварихи да старого конюха-садовника, прочно впитав их просторечный говор до самых костей. Тут стоит отметить, что последние два года занятий с мастером словесности принесли плоды, и, когда нужно, могу говорить ничуть не хуже любой придворной дамы. Только не работает это с ним, пробовала уже не раз. Пытаюсь вежливой быть, учливой, как и подобает принцессе, – внимания он тогда на меня обращает еще меньше, чем на табуретку подо мной. Вот и получается, что проще гадость сказать – хоть какая-то реакция, все лучше гробовой тишины и деланого равнодушия.

– А ведь имя у тебя красивое – Рирариланна. С ведьмовского – «приносящая удачу».

– А у тебя зато... – Я запнулась и тут же рассердилась на себя. Ну не знаю я древних языков, их никто, кроме колду-

нов, не знает. — А у тебя просто занудное.

— Как скажешь. — Колдун лишь пожал плечами и продолжил уплетать кашу. Я последовала его примеру, искоса поглядывая. Уделал и выиграл, как всегда. Даже есть уже не хочется.

— Тебя убьют.

— Обязательно.

— Мой отец этого так не оставит. Возможно, уже к обеду один из спасательных отрядов до тебя доберется, — приходится сдерживаться, чтобы голос звучал по-королевски спокойно.

— Очень хорошо.

— Фэрфакс, отпусти меня, — я попыталась улыбнуться, — и никто не будет тебя преследовать.

— Да хоть на все четыре стороны, — приподняв брови, откликнулся мужчина. Доев, он отодвинул тарелку и встал из-за стола, сыто потянувшись.

— Фэрфакс, пожалуйста.

— Повторюсь: иди хоть на все четыре стороны, — колдун улыбнулся, хлопнув меня по плечу, — только воду набрать не забудь.

— Колдун, — сквозь зубы выдохнула я, в последний момент сдерживаясь от оскорбления посерьезнее. К такому обращению мой похититель уже худо-бедно привык, хотя было видно, что оно ему не по душе.

— А ты и вправду думала, что я соглашусь?

– Нет. – Я сильно тряхнула головой, и кончики рыжих волос мазнули по остаткам каши в тарелке. – Но попробовать стоило.

– Каждый день пробуешь.

Колдун фыркнул и ушел в комнату.

Я свалила посуду в таз и поскорее выскочила на крыльцо. Так мы и живем в самой глуши, где кроме нас только волки да медведи. И нечисть, с которой я еще не сталкивалась.

Не забуду тот день, когда колдун привез меня сюда: спихнул с седла прямо в грязь, сдернул с головы мешок и, поднеся к лицу фонарь, приказал заткнуться и слушаться. Пообещал, если я буду выполнять все его распоряжения, моя жизнь будет вне опасности.

И как бы я ни ненавидела этого человека, пока что он не дал усомниться в его слове.

Глава 1

Наверное, в жизни каждого человека наступает мгновение, когда он понимает, что все, что он делал до этого, неправильно и даже бессмысленно. Понимает, что все знания, старательно заложенные немногими учителями в голову, на практике бесполезны. И великое чудо, если понимание это придет поутру, в своем доме и в окружении друзей. Мне же не повезло: великий момент просветления наступил, когда я сидела на дереве, с тоской глядя на огромную клыкастую

зверюгу внизу. Она громко фыркала, изредка поглядывая наверх, и точила клыки о кору старого клена. Или дуба? Не знаю, никогда не интересовалась деревьями.

Я поудобнее устроилась на толстой ветке, мрачно смотря вниз. Было невысоко – метра три, но достаточно, чтобы переломать ноги. А дикий кабан, по милости которого мне пришлось совсем не по-королевски взбираться на дерево, не собирался уходить. Мерзкое животное разлеглось в куче листьев и продолжало недовольно ворчать.

Я тоже ворчала. А что оставалось делать? Принцесса, в незнакомом лесу, одна, вокруг – ни единой человеческой души. Впору плакать. Месяц назад я бы так и сделала, а сейчас только попыталась сесть удобнее. Не будет же эта скотина здесь до ночи лежать? Да и колдун к вечеру хватится, пойдет искать. Знаю я его: врет, что могу отправляться на все четыре стороны, а он, дескать, искать не станет. Станет, как миленький. Найдет, да еще всыплет. Это он умеет, у него хорошо получается.

От неприятных воспоминаний заныли запястья, и настроение совсем упало. Казалось, куда хуже? В плену у злого колдуна, вдали от семьи, никому не нужная, всеми забытая... Так нет, вот еще кабан прилип как банный лист. Второй час уже караулит, будто на верность присягнул. И ничего с этим не сделать.

Будь на моем месте Лоренц, он бы этого кабана изрубил в капусту. Ему не привыкать – походы да турниры, и наобо-

рот. Братец мой словно родился с мечом и в доспехах. Храбрый, сильный, красивый – загляденье. Наверное, места себе не находит, скучает по сестре...

Мне от этой мысли даже смешно. Мы, конечно, в какой-то степени родные, но не настолько. А вообще интересно: ищет меня кто-нибудь?

Прошло почти два месяца с того дня, как колдун меня похитил. Хорошо помню тот вечер: было тепло, солнечно, и закат красивый, огненный, как с картинки. Я долго наряжалась перед зеркалом, сама заплетала волосы. И все ради таинственного поэта, который уже пару недель мне стишки писал. Да такие, что сердце на части разрывалось. Я уже подумала, что все, вот оно – влюбилась. А может, так и было – что с избалованной принцессы взять? Занятий у меня было немного: вышивай, музицируй да влюбляйся. Ни отцу, ни покойной королеве и в голову не приходило меня чему-нибудь серьезно учить. Зачем? Вот Лоренц – будущий король. А я... Сложно сказать, как ко мне во дворце относились. Слуги любили, тут я поклясться готова – никого по моему приказу никогда не наказывали, а дальше слов мои «королевские» истерики не заходили. Да и отходчивая я, на себярбушки никогда не скупилась.

Дворяне поначалу насторожены были: четырнадцать лет король держал меня подальше, а тут решил ко двору представить. Первые месяцы приходилось тяжело, разговоры стихали мгновенно, стоило мне только на пороге появиться. А

потом все как-то уладилось – убедились, что политика мне неинтересна, из сплетен слушаю только любовные, не болтаю об услышанном налево и направо. Так что со временем за мной закрепилась репутация легкомысленной и несерьезной особы, поэтому на некоторые вольности, присущие моему возрасту, стали закрывать глаза.

Ну, посмотрит принцесса благосклонно на очередного воздыхателя, и пусть – посмотрит да перестанет. А чем ей еще в замковых стенах заниматься? Потому в тот вечер никто меня и не остановил, никто не поинтересовался, почему это на закате дня принцесса оказалась в самом дальнем уголке обширного королевского сада.

Небо, помню, совсем золотым стало – подходящее время для романтической встречи. А воздыхатель мой уже был на месте, стоял себе в тени раскидистого клена, бумажку какую-то перечитывал. Оборачивается и смотрит на меня, словно в душу заглядывает. И как-то страшно мне: глаза у поэта голубые-голубые, холодные, ни капли обожания в них. И все, ничего больше не помню. Очнулась только в грязи у крыльца хижины. Поэт чертов, колдун вшивый...

От злости чуть вниз не сорвалась, пришлось сильнее прильнуть к широкому стволу дерева. Чтоб этот колдун под землю провалился! Нет бы похитить да жениться или в жертву принести, так ведь держит взаперти, издевается и ни словом не обмолвился, зачем я ему вообще сдалась. Сижу и дни напролет думаю, чем заслужила такую участь.

Кабан внизу громко заворчал, поднялся на ноги и беспокойно заметался под деревом – добычу, пакость такая, оставлять не хочет. Вдруг высокие кусты в десяти метрах от нас затрещали, и животное испуганно скрылось в чаще.

– Что ты тут делаешь? – Фэрфакс остановился под деревом, изумленно смотря наверх. Я стыдливо попыталась одернуть задравшееся платье, потеряла равновесие и обхватила руками сук с такой силой, что еще чуть-чуть, и мы бы стали единым целым.

– Чтоб тебе пусто было, – негоже менять традицию только из-за того, что я не стою на земле, а сижу под небесами, словно большая белка.

– Да это само собой разумеющееся. – Колдун обошел дерево по кругу и остановился подо мной. – Ну, а зачем ты туда залезла?

– Не твое дело, – огрызнулась я, чувствуя, как вспотевшие ладони предательски скользят по коре.

– То есть если я сейчас уйду, ты совсем не расстроишься? – Фэрфакс облокотился о ствол.

– Не расстроюсь. Еще и подскажу, куда тебе идти!

– Неужели жить на дереве так интересно?

– Не представляешь насколько. – Как же меня распирало от желания запустить вниз что-нибудь тяжелое. Жаль, вокруг были только листья.

– А я ведь предупреждал, что ходить по лесу нужно осторожно. – Колдун задумчиво провел пальцами по свежим сле-

дам от клыков кабана.

– Мой лес – где хочу, там и хожу.

– Лес-то, может быть, и ваш, ваше высочество, да логово – кабанье. А зверье, оно такое: им королевские грамоты не указ, они не ведают, что перед ними по деревьям королевская особа скачет. – Фэрфакс откровенно веселился. – Будете спускаться, принцесса?

– Спущусь, когда пожелаю, – зло бросила я. – Мне здесь, может быть, нравится. Свежо, необычно, *свободно*.

– До самого вечера сидеть будешь?

– Да хоть всю жизнь! – В подтверждение слов я сильнее прижалась к жесткой коре и ехидно улыбнулась, бросив взгляд на колдуна. Если хочет меня спустить, пусть лезет сам.

Фэрфакс задумчиво почесал подбородок:

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты весьма необычная принцесса?

– Конечно.

– Манер никаких, ругаешься, как базарная бабка, красотой не выдалась. Одно удивительно: храбрая. Здешние древесные змеи с одного укуса убивают, а тебе все равно. Даже восхищаюсь.

Волосы на голове зашевелились от ужаса. Если и есть что-то на этом свете, что я ненавижу больше, чем своего пленителя, так это змеи. Скользкие, холодные, омерзительные... Я воочию представила, как они подбираются ко мне, готовясь

напасть. Что-то коснулось запястья, и я, недолго думая, разжала руки и с громким визгом полетела вниз.

Колдун, будь он неладен, поймал меня у самой земли, но не удержал равновесия, и мы оба растянулись на траве. От удара с прежней силой заныли старые ушибы, а в глазах потемнело.

– Довольна? – зло прошипел колдун, резко поднимаясь на ноги и вздергивая меня за ворот платья.

– Ой-ой-ой! – Левая лодыжка отозвалась пронзительной болью так, что на глаза слезы навернулись.

– Ну что еще? – Колдун, видя гримасу на моем лице, задрал подол платья. – Подумаешь – вывих.

– Больно, – продолжала хныкать я, опираясь на ствол дерева.

Фэрфакс поморщился, осматривая мою ступню. Затем, без всякого предупреждения, дернул так, что я взвыла на весь лес. Колдун было шарахнулся, но тут же взял себя в руки.

– Перестань вопить!

– Больно!

– Врешь. Пойдем, темнеет.

– Я идти не могу, – совершенно честно ответила я, демонстрируя колдуну босую ногу. Одним богам известно, где именно я потеряла неказистую туфлю, когда убегала от разъяренного животного, но под деревом ее не было. Фэрфакс закатил глаза и протянул руки, я отшатнулась от него, как от

прокаженного.

– Тогда и сиди здесь всю ночь, – разозлился он.

– Вот и буду! А когда меня зверье сожрет, ты будешь приходить, смотреть на мои косточки и...

Стремительным движением Фэрфакс подхватил меня сначала на руки, а потом перекинул через плечо. Встряхнул, чтобы не кричала, и зашагал прочь. Надо признать, путешествовать, будучи перекинутой через плечо головой вниз, весьма неудобно. Косы рассыпались окончательно, запутались, поэтому в зарослях малины за нами оставался рыжий след из вырванных волос.

Шли мы в полном молчании. Я злобно сопела, колдун невозмутимо похлопывал меня по ногам, когда слишком громко ворчала. Нам обоим хотелось быстрее добраться до избушки: темнело, а ночью дремучего леса опасался даже колдун.

– А, кстати, на кой черт ты туда пошла? – опуская меня возле калитки, поинтересовался колдун.

– Грибы собирала, – ответила я, прыгая на одной ноге до крыльца.

– И где они?

– А леший их знает. – Я пожала плечами. В хижине было тепло, сухо, даже уютно, хотя и не так, как у меня дома – не было здесь ни ковров, ни картин, ни зеркал с безделушками. На кухне – старая печь, несколько полок с домашней утварью, стол и пара табуретов; в другой комнате – кровать

колдуна, комод, каждый ящик которого был заперт, шкаф с книгами да пара полоч. Жили мы, в общем-то, более чем скромно.

Фэрфакс за моей спиной глубоко вздохнул, и я инстинктивно вжала голову в плечи, но он сдержался. А вот первое время не сдерживался. Ух сколько раз мне от него перепадало: то подзатыльник, то щипок. Но хуже всего были слова. Колдун был мастером ехидных и презрительных речей, а искусством унижения овладел, по всей видимости, в совершенстве. Даже не верилось, что столько яда и ненависти может уместиться в одном человеке. Но ничего, как-то свыклись друг с другом, по пустякам силы больше не растрачиваем.

– И много там было? – вполне миролюбиво спросил мужчина, облокотившись на перила крыльца.

– Много, – немного подумав, соврала я, – и все белые, не червивые. Отличный был бы ужин.

Колдун скрипнул зубами, сжал кулаки и молча пошел в лес. Я позволила себе усмехнуться, глядя ему в спину. Грибы он обожал. Еще любил ежевику – наберу целую корзину, не успею поставить, а колдун уже таскает горстями. Иногда мне кажется, что за время плена я его всего изучила. Знаю, что вспыльчив, жесток, но справедлив, читать любит – днями сидит за книгами, пока я без дела по двору шатаюсь. Со мной пробовал что-то обсуждать, только сильно я на него злюсь, чтобы спокойно разговаривать. Так и тянет сказать

какую-нибудь гадость.

В окно комнаты постучались. Сердце забилося сильнее, когда я увидела почтовую голубку. Она прилетала два раза в неделю, но колдун всегда под благовидным предлогом отпирал меня вон. Отвязав от лапки небольшую, свернутую в трубочку бумажку, я прогнала птицу. Подскочив к лампе, развернула ее и разочарованно простонала – подписанные столбы цифр и пара строк на неизвестном языке. Колдуну, несомненно, он знаком, а вот мне – нет.

От досады хотелось плакать. Знала бы, что языки пригодятся – училась бы усердней, а не считала ворон. Но если быть совсем честной, учителя у меня были под стать: скучающие, необязательные и рассеянные. В классной комнате мы тратили впустую время друг друга, делая вид, что география, история, политика и древние языки мне когда-нибудь понадобятся.

Остаток вечера, как примерная пленница, я просидела на табурете в углу, посматривая в окно. Колдун объявился ближе к полуночи. Злой, измотанный и без грибов. Пришлось довольствоваться простой картошкой.

– Фэрфакс. – Я отложила ложку и отодвинула тарелку, положив подбородок на сложенные ладони.

– Мм? – Колдун без всякого аппетита пережевывал рассыпчатые клубни.

– Ты про древний язык с утра говорил, помнишь?

– Помню, – насторожился мужчина.

– Так и не сказал, что означает твое имя.

– А тебе зачем?

– Чтоб гадостей больше говорить, – разозлилась я, – ты же меня не отпустишь?

– Не отпущу.

– Так, может, пришло время узнать друг друга лучше?

– Я и так про тебя все знаю, – со вздохом ответил колдун.

– А вот я про тебя – ничего.

– Так ведь ты пленник, а не я, – искренне удивился Фэрфакс.

– Знаю-знаю, – я раздраженно отмахнулась, – но чего тебе стоит просто поддержать разговор? Как-никак, мне здесь до старости с тобой сидеть – не все же время нам ругаться...

– Глупость какая тебе в голову взбрела, – отрезал Фэрфакс. – Как только можно будет, я от тебя избавлюсь.

– А когда можно будет? – Я закатила глаза. Разговор повторялся уже в десятый раз.

– Когда время придет.

– То есть не скоро, – подытожила я.

– Скоро, не скоро – не мне решать, – припечатал колдун, поднимаясь из-за стола.

– А кому? – Я тоже встала, метнув на мужчину тяжелый взгляд.

– Тебе какая разница? Он – там, ты – тут. Вы никогда не встретитесь. – Фэрфакс ушел в комнату.

– Тебе самому не скучно сидеть в этой глуши? – вдогонку

крикнула я. Некоторое время подождала ответа, но колдун, видимо, пропустил вопрос мимо ушей. А уже ближе к самой ночи все-таки соизволил ответить, всучив в руки потрепанный томик с желтыми листьями и напутствием «очень интересная история».

– Приятных снов, Рирариланна.

– И тебе не проснуться, – привычно откликнулась я, устраиваясь на лавке возле печи. Некоторые традиции менять все же не стоит. Колдун покачал головой, затушил свечу, и началась новая ночь моего заточения.

* * *

– Опять каша? – Колдун скривился, поднося ложку ко рту. – И опять пересолила. В кого ты только смогла влюбиться в этом лесу?

Я поджала губы, молча снося ворчания. Где это видано, чтобы принцесс учили готовить? В королевском дворце всегда была армия поварят и кулинаров, от меня всего-то и требовалось сказать, что хочу. Хорошо еще, что большую часть жизни я провела в летнем поместье, где глазеть на работу добродушной поварихи часто было единственным развлечением за весь день, так что худо-бедно кашеварить я умела. И ладно бы стряпать приходилось для отца или брата, так нет же – для колдуна мерзкого, чтоб ему провалиться после этой ложки. Ну ничего, он у меня еще и не такое откушает.

– Неужто картошки совсем не осталось? – Фэрфакс выразительно отодвинул тарелку, так и не съев вторую ложку.

– Четвертый день как доели. – Я брезгливо помешала кашу. Выглядела она и вправду мерзко: сероватая, с комочками, украшенная чахлой петрушкой. Вдобавок ко всему на зубах сие лакомство хрустело не хуже песка, да и на вкус оказалось не лучше.

– А крупы еще сколько?

– Полмешка, – скрывая усмешку, ответила я. Колдун прямо в лице переменялся.

– А соли?

– Мешок.

Соли было много, как бы я ни старалась целыми черпаками приправлять ею и завтрак, и обед, и ужин. Вкуснее от этого стряпня не становилась, да и кислое настроение колдуна успело приесться. Но расчет был прост: одной кашей взрослый мужик, колдун к тому же, сыт не будет. Продуктов у нас, как назло, был полный погреб – в основном картошка, крупы да овощи. Но благодаря моему небывалому усердию запас стремительно сократился. Сомнительному, конечно, усердию. Рано или поздно колдун должен был откуда-то достать новую провизию. Вот тут-то я... Ладно, буду действовать по обстоятельствам.

– Совсем необязательно целый ковш соли изводить на один горшок. – Колдун оперся подбородком на ладони, разглядывая меня.

– Да вот беда: все пробую-пробую, и кажется несоленным. – Я опрокинула солонку над тарелкой. – А тебе вот как?

– Отвратно, – честно признался мужчина.

– Тогда и готовь сам. Я посмотрю, что у тебя получится из крупы червивой, – обиделась я.

Фэрфакс захохотал, не сводя с меня пристального взгляда. Любит он на меня так смотреть – долго, пристально, как будто в душу. Напугать хочет, наверное.

– Будь на твоём месте кто-нибудь другой, я бы рискнул предположить, что он влюбился по самые уши.

– А сейчас?

– А сейчас... даже не знаю, – продолжал веселиться колдун.

– По-твоему, принцессы влюбляться не могут? – возмутилась я.

– Могут-могут, – шутливо замахал руками Фэрфакс, – да только в кого ты в этой глуши влюбиться-то смогла? В медведя?

– А может быть, в тебя? – Я прищурилась, оценивая его реакцию. Колдун захохотал как ненормальный, едва не опрокинув кашу на колени. – Чего смешного-то? Сижу в лесу, домой вернуться не могу, вокруг медведи, волки, змеи. А тут колдун рядышком. И собой хорош, и при деньгах. Характер только скверный, но ничего, это поправимо.

Уж не знаю, какая муха меня укусила, когда я решила так открыто над колдуном шутить, но Фэрфакса укусило что-то

дикое и бешеное. Он не стал отмахиваться от меня, отшучиваться, только сложил руки под подбородком и нахмурился. От нехорошего предчувствия скрутило живот.

– Ну, предположим, – спокойно проговорил он, – толика разумности в твоих словах есть. А чем докажешь?

– С каких таких пор любовь доказывать надо? – парировала я. – Хочешь, стихи прочитаю или спою?

– Нет-нет, – поспешно ответил Фэрфакс. И не зря: не давалась мне поэзия, а с пением было и того хуже – учитель мой просил его казнить, ибо большего бездаря, чем я, в королевском роду еще не встречалось. – Слова в любовном деле – ненадежная опора. Лишь действия могут свидетельствовать... – мужчина не договорил, пытаясь скрыть ухмылку. Его все это немало веселило.

– Ну, значит, действия, – задумчиво повторила я.

– Именно.

И продолжил ухмыляться. Знает же, что понятия я не имею, чего он от меня хочет. При дворе действия заканчивались поцелуем ладошки да очередным сонетом. Зря я все это затеяла. Его повеселила, а себе настроение испортила.

Колдун тем временем встал, обошел вокруг стола и оказался позади. Меня затрясло от злости.

– Действия-то какие? – буркнула я, теребя на коленях грязное полотенце.

– Принцесса из тебя никудышная, да и я не знатен, так что опустим все эти излияния о вечной любви. – Фэрфакс тяже-

ло опустил руки мне на плечи и наклонился к уху. – Один маленький поцелуй.

– Подставляй щеку, – процедила я тоном, который меньше всего подходил для такого волнительного события.

– Нет-нет, – колдун легонько подцепил ошейник, и я быстро встала, зная, что кожа на шее от сильного нажима снова начнет зудеть. Мужчина ухватил меня за руку и развернул к себе, – настоящий поцелуй. Крепкий, страстный, наполненный желанием и влечением, которые свойственны только влюбленным.

У меня даже дыхание перехватило – то ли от такой наглости, то ли от страха. А колдун только и улыбался, да так, будто это все не шутка. Ох, и кто тянул меня за язык? Страшно-то как!..

– Вот так и разоблачают ложь. – Фэрфакс вздохнул, устало прикрывая глаза. – Не в словах истина, принцесса, а в действиях. Твоим же словам я бы не доверил и своего осла, если бы он у меня был.

Тут он заблуждался: от своих слов и идей я никогда не отказывалась и шла упорно до самого конца, каким бы он ни был. В королевском дворце быстро пришли к мнению, что я была, пожалуй, самой упрямой принцессой за последние триста лет. Подначивать лишний раз не осмеливался даже брат: он хорошо знал, что своего я добьюсь если не упорством, то слезами.

Я гордо расправила плечи, откинула за спину лохматую,

кое-как заплетенную рыжую косу, и вскинула подбородок.

– Давай, – произнесла так, что сама испугалась своего голоса, – целуй.

– Что? – Колдун опешил: такого поворота он не ожидал.

– Принцесса, что ли, первой должна все делать? – не на шутку разозлилась я. – Третий раз повторять не буду: целуй давай.

Колдун смерил меня долгим, уничтожающим взглядом, который я с честью выдержала – помогали ярость и злость. Да и новое, удивленное выражение лица мужчины вселяло некое подобие уверенности. Он замешкался, отвел глаза, видимо, пытаясь гадость какую-нибудь придумать.

– И долго мне так стоять? – Я на всякий случай выпятила нижнюю губу.

– Вот скажи мне: как у короля Уильяма, умнейшего правителя Катергейма, мог родиться такой, – Фэрфакс закатил глаза, – недалекий и невежественный отпрыск?

– Сдается мне, не так принято целоваться. – Я грозно нахмурилась, складывая руки на груди. – Может, не умеешь?

– Уймись уже, шутка не удалась. – Колдун отступил, с тоской поглядывая на тарелку.

– А может быть, принцесса для тебя недостаточно хороша? – распалялась я, сжимая в руках полотенце.

– Тоже верно. У иных похитителей принцессы настоящие: стройные, прелестные, воспитанные. А мне бастард достался.

Умел же колдун подобрать слова, чтобы ранить поглубже.

Правду мне открыли за несколько дней до кончины королевы. Помню себя одиннадцатилетней девчонкой, сжавшейся на роскошном стуле и испуганно следившей за расхаживающим из угла в угол отцом. Он покусывал костяшки пальцев, подолгу смотрел в окно, что-то бормотал себе под нос. Настроение в те дни в замке царило гнетущее – Витория угасала долго, и предстоящий траур витал в воздухе.

– Да и плевать! – в какой-то момент отец оборвал собственные рассуждения, подошел ко мне и присел на соседний стул. – Я исполню ее желание, даже если это будет последним, что сделаю.

Я тогда перепугалась не на шутку: Витория меня не любила и ее последним желанием вполне могла оказаться моя жизнь. Взяв меня за руку, отец просто произнес то, о чем изредка судачили на кухне: королева не была моей матерью. Помню, восприняла эту новость с истинно придворной внешней невозмутимостью – наверное, потому, что где-то в глубине души об этом давно догадывалась. А потом с детской непосредственностью спросила, кто же все-таки моя родительница.

Отец будто бы на десяток лет постарел: помрачнел, сгорбился, безвольно опустив руки.

– Я не помню ее имени, – его слова пригвоздили меня к месту. – И тебе не стоит об этом больше спрашивать, иначе это погубит всех, и тебя в первую очередь. Это секрет, кото-

рый ты должна хранить.

Я и хранила, да только сплетни все множились и множились: что это за дочь такая, ни слезинки не пролила, да и не похожа она ни на мать, ни на брата. На дне памяти впервые заговорили об этом громким шепотом. Повезло, что прабабка тогда еще жива была. Древняя старуха, уже слепая на один глаз, она поднялась со своего места и гаркнула, приказав всем заткнуться и не позорить память покойной. Поддерживаемая под локоть звездочетом Бафшаном, она прокрипела, что раз ее внучка – покойная королева Витория – признала дочь, то и всем остальным стоит с этим считаться. Ее еще видящий, но по-старчески выцветший желтоватый глаз при этом недобро блеснул, задержавшись на притихших придворных. Следом, конечно, полился поток сладких речей-извинений, но единственные стоящие хоть чего-то слова в тот вечер были произнесены без придворного этикета – грубо, резко и честно.

Умерла старуха через год. А еще через два слухи расплодились с удвоенной силой. В конце концов роковое обвинение прозвучало громко и в самый неподходящий момент – за три недели до помолвки. Я иногда думаю: а какой была бы моя жизнь, не распусти советник свой язык после пятой бутылки вина? Его-то уж точно была бы лучше – не казнили бы.

Жених был знатный, красивый и молодой рыцарь. Сразу мне приглянулся на турнире. Ему король мешок с деньгами,

а он только на меня смотрит, улыбается. Глаза у него были добрые, темные, как ночь. И отцу он нравился, и брату. Словом, мечта любой принцессы – выйти замуж по любви – почти сбылась. Почти.

От воспоминаний на глаза навернулись слезы. Я поспешно опустила голову – колдуну их видеть не нужно, чтобы не принял на свой счет. А он все стоит и смотрит, выжидает, что я отвечу. Мне и сказать-то нечего. Ударить бы его, влить такую оплеуху, чтоб в глазах потемнело. Что с того, что мать моя была не королевой?..

– Что это с тобой? – Фэрфакс нахмурился.

– Ничего. – Я отошла к печи и принялась переставлять горшки. Уши горели, глаза застилали слезы, но рыдания я сдерживала. Не дождется их колдун.

– На правду не обижаются.

– Я не обижаюсь.

– А почему тогда уши красные? Ну-ка, посмотри на меня. – Мерзкий колдун ухватил меня за плечи, развернул к себе и взял за подбородок. – Ты – внебрачный ребенок, которого пожалели, позволили называться принцессой, позволили чувствовать себя ею. Знаешь, как в других королевствах поступают с подобными тебе? Их убивают, топят в младенчестве, скармливают бродячим псам или относят в лес на радость волкам. Но тебя пожалели, да только не стоила ты всех усилий. Училась неприлежно, характером и повадками пошла в необразованную мать, красотой – в нее же. Да лю-

бая крестьянская девчонка на твоём месте сидела бы ниже травы, штудировала грамоту и слушалась старших, понимая, что сегодня или завтра её из дворца выставят. Но ты... ты – нет. – Фэрфакс глубоко вздохнул, переводя дух. Мне даже на секунду показалось, что он мысленно сверяется с заранее подготовленным текстом. – Ты считаешь, что тебе все обязанности. Что ты любимица, ровня кровной знати. Но наконец-то справедливость восторжествовала, и ты сидишь в дремучей глуши, где тебе и место.

– Кровная знать? – Я отступила назад, спиной упершись в каменную кладку.

– Что? – Фэрфакс осекся на полуслове.

– Это те, кто приказал меня похитить, – догадалась я.

– Может быть, – после долгого молчания наконец выговорил колдун.

– И сколько они тебе пообещали? Мой отец даст в два раза больше!

– Нет, – криво усмехнулся мужчина. – Дело не в золоте.

– Фэрфакс, я не буду повторять дважды. – Когда надо, я умею выглядеть серьёзной и рассудительной, похожей на настоящую принцессу. – Помоги мне, отпусти меня. Я клянусь: никто не будет тебя преследовать и, более того, моя семья выплатит тебе столько золота, алмазов, серебра, изумрудов, сколько пожелаешь.

– Говорю же, не в награде дело. – Колдун отвернулся, намереваясь позорно сбежать от разговора.

– Фэрфакс! – Я не собиралась так просто его отпускать. Колдун проговорился, и я чувствовала: это только вершина айсберга. – Я не знаю, что может заставить тебя помочь мне, но я могу сказать, что тебя ждет, если ты откажешься. – Сработало, колдун замер на пороге комнаты. – Когда тебя поймают, я лично буду настаивать на том, чтобы тебе сохранили жизнь. Я буду смотреть, как палач выдирает тебе ногти, сдирает кожу узкими полосами с твоей спины, буду смотреть и улыбаться. А после того, как ты признаешься, выдашь все имена, я посажу тебя в темницу. Буду приходить каждый день, с самого раннего утра, садиться напротив... Ты не сможешь сбежать, не сможешь умереть, будешь гнить там до самой моей смерти. Ты понимаешь это?!

– Ты не в том положении, чтобы мне угрожать, – не оборачиваясь, бросил колдун. – Но слушать твою истерику было любопытно.

– Скажи, за что? Кто так со мной?

– Я не смог бы, даже если захотел.

– Почему?

– Не интересовался ее именем, – пожал плечами колдун.

– «Ее»?

Фэрфакс отчетливо скрипнул зубами и, прихрамывая, скрылся в комнате. Сгорая от любопытства и гнева, я рассеянно начала протирать грязным полотенцем горшок. Колдун все-таки тоже человек. Его спокойствие, непроницаемость, холодность и расчетливость – все это можно было преодо-

леть. За этой стеной хранились имена моих недругов. Не только моих, они восстали против воли отца, против его власти, против моего брата, против всей семьи. И, может быть, мое похищение — только начало.

* * *

— Ну, долго тебя ждать? — Фэрфакс недовольно переминался с ноги на ногу, с раздражением поглядывая на кусты.

— Иду я, иду. — Оставляю зарубку длиною с палец на коре дерева и выхожу, поправляя юбки. — Как ты по полчаса в кустах сидишь...

— Я не хожу в кусты, — отрезал колдун, вскакивая на лошадь.

— А вот бы следовало, — пробурчала я, нерешительно замирая возле своей кобылы. Ростом я не выдалась, а потому в седло карабкалась как на высокую гору: вся красная, запыхавшаяся, даже ладони оцарапала невесть обо что. Колдун наблюдал за мной с умеренным интересом, но ни помогать, ни смеяться не торопился. Наконец устроившись в седле, я властно хлестнула поводьями, посылая лошадь галопом. Вернее, пытаюсь. Кобыла была под стать колдуну: вредная и ленивая. Слушалась она только Фэрфакса, и я не сомневалась: напади на нее стая волков, она бы продолжала флегматично жевать траву.

Колдун тихонько свистнул, и мы снова отправились в

путь. Надо признаться, я была ему не рада. Месяцем ранее Фэрфакс разругался с «заказчиками». Досталось всем: и несчастной голубке, принесшей письмо, и лошади, которая не желала ехать в ночь, и мне, необдуманно заглянувшей через плечо.

Сидя на полу и хныча, потирая стремительно опухающую щеку, я во все глаза глядела на колдуна. Страшно было как никогда. До того дня я, похоже, и не знала его настоящего гнева. Лицо Фэрфакса потемнело от ярости, ноздри раздулись, губы перекосило. Дымом заволокло всю комнату. Почерневшая тушка голубя, покрытая совсем не аппетитной черной коркой, лежала у моих ног.

Понимая, что лучше бы мне скрыться подальше от его рассерженных глаз, я на четвереньках выбралась из комнаты, намереваясь пересидеть колдунский гнев в кухне, но не тут-то было. Фэрфакс бился в истерике не хуже меня: молнии летали по всему дому, а по стенам прыгали странные тени, словно какие-то черти сбегались к колдуну. Благоразумно рассудив, что лучше бы мне держаться еще дальше, я вышла во двор. Свежо было, темно. Хорошо. Как ни крути, а лес красивый. Густая чащоба – ночью непроглядная, как мрак конца мира, а днем пронизанная волшебным светом, как будто дриады из сказок благословили это место.

За спиной в очередной раз что-то грохнуло, и я поспешила за калитку. Прогуляюсь немного, глядишь, колдун к ночи остынет. Щека противно ныла.

Глупая я все-таки девчонка. Это в сказках злодеи с прекрасными девицами-пленницами как с принцессами обходятся, лелеют их, заботятся. Что я принцесса, что не принцесса – все равно прилетело бы. А может, злодей мне неправильный попался? Вот похитил бы меня разбойник – благородный, красивый, мужественный, жили бы мы с ним в лесу или на дороге. Кочевали бы, богатых грабили во благо, с другими разбойниками делились. Тут мне и самой захотелось влепить себе затрещину: зачем с другими-то делиться?..

Погруженная в свои мысли, я и не заметила, как забрела достаточно далеко. Свет окон едва виднелся среди частых стволов деревьев. Тишина вокруг стояла какая-то нехорошая. Зябко поежившись и обняв себя за плечи, я медленно, сохраняя достоинство перед попрятавшимися белками, отправилась назад. На переливчатый стук конских копыт вначале и внимания не обратила: мало ли что может померещиться в лесу одинокой девице, еще и ночью?

От всадника я шарахнулась, как от огня: огромный меч пронесся в пяди от носа, досадливо рассекая кору дерева. Рыжая лошадь в веселеньких белых яблоках встала на дыбы с громким ржанием, молотя копытами воздух. К чести моей будет сказано, я сразу сообразила, что спасать меня сей целеустремленный рыцарь не собирается – слишком красноречив был меч и оскал, видневшийся из-под шляпы. Прижимаясь к дереву, я со страхом что-то просипела, но вместо ответа снова блеснула сталь.

Оказавшись зажатым меж двух огней, выбираешь тот, что горит дальше и тише. Совсем не по-королевски вопя от страха, я метнулась в высокие заросли, с боем и криком пробиваясь к домику. Мой преследователь, по всей видимости не любивший охоту, ломанулся напрямик за мной, подгоняя кобылу, а заодно и меня злобными проклятиями и угрозами. У самого забора нога предательски дрогнула, и я рухнула на землю. Лошадь встала на дыбы. Вот так я и помру – раздавленной в буквальном смысле этого слова.

Полыхнуло огнем, и нависшая надо мной лошадь куда-то пропала, перед глазами было темное небо. С трудом переведя дух, я перекатилась на бок, приподнялась на локте и не смогла подавить облегченного вздоха: колдун возвышался над моим потенциальным убийцей, уперев руки в бока и прижав каблук своего сапога рыцарю в горло.

– Я в порядке. – Я поднялась сначала на колени, а потом, придерживаясь рукою за забор, на ноги. Фэрфакс на меня даже не посмотрел. Видок у колдуна был тот еще: лицо перекошено, светлые волосы торчат во все стороны, пальцы скрючены, будто полотенце выкручивает с особой жестокостью.

– Кто послал? – донеслось очень тихо, вкрадчиво, но яростно. Мужик под его ногой хрипел, стонал, силился поднять руки, чтобы сдвинуть колдуна. – Еще раз: кто послал?

Имени я не расслышала, а подойти ближе было выше моих сил. Меня трясло, в боку болело, ноги мелко дрожали. Ссадины на локтях наконец-то дали о себе знать и теперь

неприятно щипали.

– Иди в дом, – не глядя приказал Фэрфакс. – Умойся.

– Не пойду никуда, – упрямо вскинулась я, пытаюсь пригладить растрепавшиеся волосы. – Зачем он?..

– Уйди, – прошипел колдун, и я все-таки поковыляла к крыльцу, от греха подальше.

Куда Фэрфакс дел этого убийцу, я так и не узнала, но посещали нас подобным образом еще четыре раза. О двух посещениях свидетельствовал покосившийся забор и обвалившаяся крыша крыльца – само сражение я пересидела в погребке, не решившись и носа высунуть, пока Фэрфакс меня не позвал. От одного рыцаря осталось кровавое пятно, которое мне пришлось убирать. Колдун лишь сокрушался, мол, не с той ноги встал и перестарался. Легче от его раскаяния не было: кошмары снились еще две недели, запах крови преследовал ежеминутно, а есть получалось только сырую картошку – от вида каши тут же мутило.

Последнего, четвертого, колдун разговорил. Радости это не принесло: как оказалось, в услугах Фэрфакса похитители нуждаться перестали, платить отказались, а от меня решили попросту избавиться. Ну, и от колдуна заодно, если тот будет мешать. Имен несчастный не назвал – да колдуну они и не были нужны, а я твердо убедилась, что, кем бы ни были мои враги, они идиоты. Шутка ли – поступать так с колдуном?

Убедившись, что дорогу до хижины теперь знает каждый проходимец, Фэрфакс велел собираться и не задавать лиш-

них вопросов. Вот так я и оказалась на лесной дороге, которая, как любезно уведомил колдун, вела в большой город, где и должна была начаться моя новая жизнь.

Глава 2

Колдун изрядно кривил душой, когда называл Старые Остроги большим городом. Каменных домов в поселении было много: навскидку полсотни, не меньше. Был постоянный двор, площадь с хиленькой ратушей, были даже ворота с охранной стеной, которая метров через двести плавно сходила на нет. А вот тесноты, которая присуща городам, не было. И если у центральной площади дома щеголяли аккуратными палисадниками, то на окраинах я лицезрела свежев-

скопанные грядки.

Далеко-далеко, на самой границе памяти, всплывали слова, которые, как полагала и я, и мой учитель географии, благополучно пролетели мимо ушей. Старые Остроги – велчанское название. Велчане жили на востоке лет так... давно, хоть убей – не вспомню. Мирный народ, простой, но свободный. Не искушенный ни выборными монархами, ни кровными династиями. И край велчанский был цветущим, богатым, обширным. До самых Сломанных Хребтов простирался.

Этим он и приглянулся моему очень дальнему предку. Повоевав лет десять, он наконец понял, что идея была провальной на корню: ну как присоединить то, что даже между собой не собрано? Велчане с одинаковым удовольствием воевали и с соседними деревнями, и с великим королем всех западных земель, кем-то там Каннингемским. Чем именно закончилась эта глава семейной истории, я помнила совсем смутно. Можно сказать, совсем не помнила. Каким-то образом восток все-таки присоединили к нашему королевству, но история это была, как выразились бы на кухне, «скверно пахнущая». Темная.

Несмотря на это, настроение поднялось до небывалых высот. Впервые за столько месяцев я выбралась из своей темницы и даже чувствовала себя почти свободной. Не считая ошейника.

На нас никто не обращал внимания. Беспрепятственно добравшись до небольшого опрятного домика, колдун спешил-

ся. Открыл калитку, потрепал по загривку сонную собаку и юркнул в дом. Не успела я подумать, что могу слезть с лошади и пуститься наутек, как мужчина высунулся на улицу и поманил меня пальцем. Едва под ногами оказалась твердая земля, в голове промелькнула мысль бежать без оглядки. Фэрфакс словно догадался об этом и цепко схватил за локоть:

– Даже не думай, – вполне миролюбиво прошептал он на ухо, вталкивая в дом.

В маленькой кухне было тесно и темно – окно занавесили плотными шторами из грубой ткани. Я успела разглядеть печь, полки с кухонной утварью и какой-то сальный гобелен, закрывавший стену, возле которой стоял стол. А потом в комнату вошла хозяйка дома. Она была ниже меня на две головы (да чего таить, она была карлицей!), болезненно худая, некрасивая. В седых волосах, собранных в высокий пучок, еще виднелись каштановые пряди. Круглое лицо с прямым широким носом было покрыто глубокими морщинами. Рот застыл в неприятной улыбке-усмешке, но глаза, такие же голубые, как у Фэрфакса, смотрели вполне дружелюбно.

– Какая-то она дохлая, – после недолгого осмотра моей персоны заявила женщина.

– Она стесняется, – нахально ответил колдун, по-прежнему держа меня за руку. – Сам удивлен тому, что она умеет. В остальном все так, как я и говорил: неприхотлива, но разговорчива.

Я хотела было открыть рот, но Фэрфакс ущипнул меня за локоть, и я послушно промолчала.

– А ошейник зачем?

– Велена, ты не хуже меня знаешь, что людям свойственно мечтать о свободе, которую у них, – тут колдун сострыпал такую мину, что я почти почувствовала отвращение к самой идее, – отобрали.

– Стало быть, отсюда, ты думаешь, не сбежит? – женщина прищурилась, извлекая из кармана трубку. Спустя полминуты по темной комнате поплыли сизые клубы дыма.

– Некуда ей теперь бежать, – пожал плечами Фэрфакс, и его слова мне совершенно не понравились. – Берешь?

– Беру, – после минутной паузы объявила Велена. Колдун удовлетворенно кивнул и, как мне показалось, с облегчением выдохнул. – Куда собрался? Ошейник-то сними.

– Если вы оба думаете, что я это так оставлю!.. – я наконец-то «отмерла». Это что ж получается: на моих же глазах меня же продают с рук на руки?! Меня – принцессу!.. – Я буду...

– Именно так мы и думаем. – Фэрфакс перекинул женщине ключ. – Жаловаться? Кому? Твоего отца нет, на троне твой брат, который про тебя уже забыл. Никому вы больше не нужны, принцесса.

Фэрфакс хлопнул меня по плечу – так сильно, что я споткнулась на ровном месте, – и вышел, оставив нас одних. Луч света, ворвавшийся через открытую дверь, ослепил, и я

заморгала, смахивая с ресниц некстати наворачнувшиеся слезы. Колдун паршивый: вместо приветствия – подзатыльник, вместо прощания – гадость. Велена стояла передо мной, покуривая трубку. Светлые глаза почти светились в темноте.

Разве сможет меня удержать какая-то старуха, которая мне по пояс?! Да я запросто смогу выйти вон и...

– Подойди, – негромко проговорила Велена, и я почему-то послушно сделала два шага вперед. – Как тебя зовут, девочка?

– Рирариланна, – собственное имя показалось какой-то издевкой.

– Рира... ана... Будешь просто Рила, – Велена добродушно хохотнула. – Шить умеешь?

– Немного... Вы знаете, кто я?

– Он рассказал.

– И вы... вы мне не поможете? – Слезы покатались по щекам.

– С чего это? Вы меня в свои дворянские разборки не впускайте, – покачала головой женщина.

– Но мой отец...

– Миль-то до Капитолия сколько? Да и нет больше твоего отца, – Велена лениво покусывала трубку. – Вы теперь, принцесса, сами по себе. Или со мной. Как хотите?

Я задумалась. А действительно, сколько до столицы? Месяц пешком идти буду, не меньше. Без помощи не обойтись.

– Опустись-ка на колени.

– Зачем? – подозрительно нахмурилась я.

Велена подбросила на ладони ключ, и я опустилась на холодный пол. Слушая, как она возится у меня за спиной, отпирая замок, я уже придумывала план побега.

* * *

– Помочь, ваш-величество?

Я вытянула полное ведро из колодца, с усилием пристроив его на каменный парапет, и презрительно скривилась, даже не смотря в сторону обидчика. И так знала, что это один из деревенских заводил, которым повезло два месяца назад послушать мой концерт на главной площади.

– Сама справлюсь. – Я взвесила ведро на руке, немного подумала и вылила половину обратно. Ничего, лучше еще полчаса прогуляюсь, чем надорву спину. Сзади несколько голосов тихонько прыснули, и я лишь устало прикрыла глаза. Что с меня взять, с чудаковатой?

– Тебе это... может, помочь? – крепкий детина под два метра ростом улыбался, рассеянно почесывая затылок. Серая рубаха кое-где была прожжена, крупные пальцы тревожно мяти края кузнечного фартука.

– Спасибо, Берст. – Я благодарно кивнула и отступила, наблюдая, как разом повеселевший парень управляетсся с ведром и колодцем.

– Ты это... Рилка, не обращай внимания. Ну, на этих. Им

только бы посмеяться, – голос у Берста был низким, приятным. Симпатии, правда, он не прибавлял. Если бы сын кузнеца мне верил... – Все мы господами побывать хотим...

Мы шагали по улице к дому моей наставницы – местной ведуньи и по совместительству швеи Велены. Той самой старухи, которой меня сдал колдун, чтоб он провалился под землю. Обычно я старалась выбирать обходные улочки, чтобы как можно меньше попадаться на глаза и не слышать издевательское обращение «ваш-величество». Но Берст об этом не задумывался, поэтому шагали мы напрямик по главной улице через центральную площадь, на которой я два месяца назад...

Вспоминать было стыдно. Едва Велена сняла ошейник и благосклонно разрешила заниматься «своими делами» остаток дня, я рванула на улицу. Ноги сами вынесли к городской ратуше, где я сначала попыталась добиться защиты у сонных стражников, а потом не придумала ничего лучше, чем искать справедливости у простого люда.

Гнилыми яблоками в меня не кидали. Наоборот – слушали, развесив уши. А я, еще ничего не понимая, продолжала рассказывать о бесчинствах злого колдуна и о страданиях законной принцессы. К моему несчастью, тут же, на столбе, висел порядком подпорченный листок с моим портретом, которым я размахивала, как флагом. В конце своей речи, когда на площади было не протолкнуться, я перешла в решительное наступление, требуя доставить меня в столицу, обе-

щая всевозможные блага и дары. Тут-то все и пошло не так. Едва народ понял, что у «принцессы» за плечами нет ничего, кроме собственной косы, поднялась волна смеха.

Спасла меня Велена. Уже дома она отвесила подзатыльник и ласково поинтересовалась, на что я рассчитывала. А я опять затянула старую песню о своем королевском происхождении. Тогда ведунья поставила меня перед зеркалом, отобрала тот самый листок и принялась читать вслух. Награда за меня была прямо-таки королевская: пять пудовых мешков золота – по моему весу. Толком обрадоваться этому я не успела, сообразив, что в плену у колдуна исхудала – мать родная не узнала бы. Что уж и говорить о деревенском народе, который ожидал увидеть дородную королевскую особу. Но хуже всего дела обстояли с портретом: на нем меня изобразили такой, что я не удержалась и расплакалась.

– Рилка, а ты на игры пойдешь?

Взглянув на Берста, я с трудом не рассмеялась в голос. Вид у парня был донельзя смущенный, щеки покраснели, а из ушей вот-вот пойдет пар. Признаться, вопроса я ожидала – о больших гульбищах со стрельбищем говорили уже недели две. Как раз заканчивался какой-то важный для остроговских жителей период между летом и осенью. То ли сбор урожая, то ли какие-то отголоски древних верований, которых я не знала. Но отмечать собирались масштабно: с ярмаркой, гостями из соседних деревень и, чем шут не пошутит, некими важными персонами. За два месяца жизни в городе я бо-

лее или менее представляла, какой грандиозной попойкой это все обернется.

– Может быть, и пойду, – пожала я плечами, не оглядываясь больше на паренька.

– А если пойдешь...

– То с Веленой.

Берст помрачнел, а я криво усмехнулась – и не таких оставляли под балконом. Хороший, конечно, он парень, но мне от этого совсем не легче. До столицы я с ним точно не доберусь. Да и не поймет он меня, не верит же. Никто не верил. И немудрено: в глуши принцесс отродясь не водилось, а все, что обо мне знал простой народ, можно было свести к далеко не лестной характеристике: рыжая толстушка. Я потеряла кончик косы, перекинутой через плечо. Сейчас от благородной рыжины остались только воспоминания – после долгих жарких дней, проведенных в огороде, волосы выгорели и напоминали очень ржавый лен. Хотя какая теперь-то разница?

– О, господин Фэрфакс пожаловал, на игрища, наверное...

Я едва не подпрыгнула от неожиданности. По другой стороне улицы шел колдун, помои на его голову. Мой похититель ничуть не изменился, разве что выглядел чем-то взволнованным. По сторонам он не смотрел, но с Берста стало воскликнуть так громко, что Фэрфакс обернулся.

Иногда мне в голову приходят безумные вещи. Нянюш-

ка, самая первая, самая любимая и единственная, которую я помнила по имени, всегда говорила, что воображение у меня как у сказочника. Правда чаще всего эта фраза произносилась с укором, когда я неловко пыталась объяснить, почему все простыни опять перемазаны шоколадным кремом. Вот и сейчас вместо того, чтобы равнодушно встретиться с колдуним взглядом, я ухватила Берста за руку, развернула и спряталась, как за стеной.

– Рилка...

– Да-да. – Я отмахнулась от парня, выглядывая из-за его бока. Колдун на нас внимания не обращал.

– То есть пойдешь?

– Пойду-пойду! – поспешно бросила я, увидев, что Фэрфакс переходит улицу. В таверну наметился, не иначе. И угодило нас остановиться в метрах тридцати от ее входа!

– Со мной пойдешь?

– Куда угодно пойду, только стой на месте! – разозлилась я.

Берст замер, вытянувшись по струнке. Колдун, оглядевшись, тенью шмыгнул в заведение. Взгляд, которым он окинул улицу, мне не понравился: замышляет что-то, гад такой. Ничего, это мы еще посмотрим.

Желание отомстить не поддавалось никакому объяснению. Выкрасть меня не было его затеей, обращался колдун со мной вполне сносно, а, по чести сказать, за жизнь в Острогах я должна была ему спасибо сказать. Иной разбойник над-

ругался бы и прирезал под кустом. Фэрфакс был, конечно, той еще сволочью. Слухи о нем ходили разные: кто-то, вроде Берста, испытывал перед ним благоговение, кто-то, например начальник стражи, открыто презирал. А такие, как Велена, считали равным. Велена, правда, к колдуну относилась чуть иначе – иной раз мне казалось, что к Фэрфаксу она испытывает жалость. Лишь однажды удалось ее разговорить, но услышанное мне совсем не понравилось.

– Так это... может, сегодня сходим куда? – осмелев, Берст по-хозяйски положил руку мне на плечо.

– Иди-ка ты воду отнеси, – раздраженно бросила я. – А потом уж и поговорим.

Хороший все-таки он парень – послушно подхватив наполненные ведра, быстро зашагал к дому. Голову могу дать на отсечение, шел и улыбался во все зубы. Ладно, с этой проблемой разберусь позже. В конце концов, от одного свидания еще никто не умирал.

Дождавшись, когда из двери вывалится очередной пьяница, я юркнула внутрь. В таверне было душно и шумно, воняло пивом, потом, едой. Велена строго-настрого запретила соваться в подобные места. Да я и сама понимала, что, если здесь кто припомнит мою пламенную речь, сбежать так просто не получится.

По стеночке, прячась в тени развешанных плетенок чеснока, лука и репы, я добралась до самого темного угла. Здесь, притаившись возле разбитого растрескавшегося буфета и

изображая скучающего завсегдатая, я наконец-то огляделась.

Хуже просто и быть не могло. Именно сегодня, именно здесь и именно сейчас шумно пировали солдаты из гарнизона, который должен был собрать налоги и отвезти в столицу. В Острогах они были уже третий день, и я все никак не могла придумать предлога, чтобы подобраться к командующему и убедить его в том, что я – та самая похищенная принцесса. Колдун сидел аккуратно передо мной, через пустой стол. И был не один.

Таких женщин здесь я еще не видела. Она была красивой. По-настоящему красивой. И не понравилась мне с первого взгляда. Стройная, изящная, молодая. Негустые черные волосы обрамляли привлекательное лицо, словно выточенное из мрамора. Чувственные губы улыбались, а голубые глаза оставались холодными. Взгляни она на меня прямо сейчас, я бы выскочила прочь, проклиная все на свете.

У красавицы были глаза безжалостного убийцы. Я, конечно, не встречала «безжалостных убийц», кроме колдуна, но была уверена: у всех наемников такой взгляд. Жестокий, холодный и оценивающий. Она была одета по-походному: кожаная куртка, простые штаны и длинные сапоги, заляпанные грязью.

Колдун на ее фоне смотрелся... Тут я едва не расхохоталась. Может быть, Фэрфакс был хитрым магом, прекрасным воином, благородным разбойником. Может, и был искусным

лжецом. Но эту битву явно проиграл. Мужчина предстал передо мной жалким, изнывающим от любви мальчишкой, который жадно ловил каждое слово своей спутницы. О боги, ну прям как Берст.

Разобрать, о чем они говорили, было невозможно. Сгорая от любопытства, я двинулась в обход, чтобы подобраться с другой стороны, затесавшись в компанию шумных выпивох. Тут-то и наступил тот самый момент, когда все пошло наперекосяк.

Бывают счастливые везунчики: любая их самая безрассудная выходка оборачивается грандиозным успехом. В моем роду таким был дед Ирилар. Легенда гласила, что он вышел против последнего дракона с одним лишь ржавым мечом. Когда тварь попыталась намекнуть, что неплохо бы вооружиться, тогдашний принц нахально заявил, что не считает необходимым тратить казенные деньги на обмундирование. И тут же пояснил: он верит, что дракона ни мечом зарубить, ни копьем проткнуть не получится, а затем добавил, что оружие его – острый ум, которым, как всем известно, ящерицы обделены. В детстве я знала эту сказку наизусть, но со временем детали притупились. Загадками или какой другой уловкой дед получил из драконьей пещеры алмазный меч и, недолго думая, ринулся в атаку. Отделался он шрамом на левом виске, причем, как поговаривали в народе, получил его уже после – когда отмечал победу в харчевне.

Мне, как бастарду, досталось гораздо меньше удачливо-

сти и находчивости предка. Безумных и находчивых идей в голове было через край, а с везением всегда возникали проблемы. Вот и сейчас, засмотревшись на колдуна, я спиной врезалась в подавальщицу, опрокидывая полный поднос пивных кружек на шумную компанию. Я еще не успела по-настоящему испугаться, как меня схватили за ухо и больно дернули.

– Смотри куда прешь!

Хуже все-таки могло быть. Голос принадлежал Серому – тому самому человеку, который первым объявил, что я сумасшедшая. От него пошел целый ворох насмешек, небылиц и шуток, приведших к тому, что на каждом углу я слышала издевательски растянутое «ваш-величество».

Серый был жилистым мужиком, торговцем. Обладал скверным характером, был вспыльчив и жесток. Не любил никого, и никто его не любил. За глаза его называли «мулом», и эта кличка приводила мужчину в бешенство. Было в нем что-то от тролля. По крайней мере, воняло от него всегда изрядно.

– Ба, да это же наше величество!

Я высвободилась, оглянулась и с шумом выдохнула – в одно мгновение все внимание было обращено на меня. Колдун сидел спиной, а вот его спутница смотрела на меня поверх головы.

– Решила наградить нас, недостойных, своим вниманием? Ну, так любовь народа не завоюешь, ваш-величество, –

Серый демонстративно потряс головой, разбрызгивая капли пива с сальных волос. Послышался одобрителный хохот. – А может, у вас еще что припасено в кармане? А ежели нет, то и стража тут как тут. Они-то в вас признают законную королеву.

– Припасено, еще как припасено, Мул. – Я отступала, лихорадочно соображая, что делать. Лучшим вариантом было бы, пожалуй, разреваться и убежать. Никто бы не стал догонять. Посудачили с полчаса, да и забыли бы. Но капитан отряда уже смотрел на меня, склонив голову набок. Убежать – признать себя сумасшедшей. Признать – потом ни за что не разубедить. А значит, выхода нет. – В день, когда я вернусь в Капитолий, твою голову насадят на пику, а я встану перед ней и помашу ручкой. Уж очень у тебя идиотское выражение лица. Интересно, – я осмелела, вновь услышав смех, – в кого ты такой урод? Неужто папаша твой, тролль пещерный, не мог найти продажную девку посимпатичнее?

Грянувший хохот меня оглушил. Серый, скрипнув зубами, сжал кулаки. Я украдкой взглянула на колдуна, но нас уже обступили со всех сторон. Пути назад не было.

– Ты, Рила, с головой совсем не дружишь. – Мужик вдруг усмехнулся. – Принцессой себя мнишь, наследницей законной. А если я прямо сейчас спрошу господина капитана, знает ли он тебя?

– А я его тоже не знаю. – Я уперла руки в бока, презрительно скривившись. – Возле моих покоев кто попало не оши-

вался.

Язык мой – враг мой. Я успела трижды, пока гремел хохот, пожалеть о своих словах, но ничего поделать не могла.

– Выведи-ка ее вон, – устало приказал капитан, отворачиваясь к столу.

– Сир, вы совершаете ошибку! – Я попятилась от детины в кожаных доспехах. Тот ухмыльнулся, широко раскрыв руки, словно собираясь сгрести меня в охапку.

Ну уж нет! Я схватила первое, что попало под руку, зажмурилась и размахнулась. Почти обглоданной бараньей ногой зашибить кого-то насмерть весьма проблемно, а вот изрядно понизить достоинство вполне возможно. Серый, часто моргая, схватился за нос, а потом, не обращая внимания, что противник его – хрупкая девица, ринулся в бой.

На мое счастье, большую часть кружек до нашей встречи он опрокинул вовнутрь, и я без труда увернулась, гаденько смеясь. Стражнику за моей спиной повезло меньше: удар пришелся в челюсть, и, прежде чем появилась возможность что-то объяснить, началась драка. Одна из тех шумных и веселых драк, для которой и повода не надо.

Получив пару тумачков, я вырвалась из гущи, юркнула под стол и только тогда позволила себе выругаться. Что ж, любопытство никогда не доводит до добра. О столице пока стоит забыть – до дома бы добраться. С этим возникли определенные сложности: какие-то смельчаки кидались в бой с издевательским криком «за принцессу». Минут через пять

всеобщий бедлам разделился на два лагеря. А еще через десять минут меня в шесть рук выволокли из-под стола и, не слушая криков, вскинули на руки и принялись подкидывать под потолок, не забывая о страже, которая пыталась пресечь царящий хаос.

В какой-то момент моя голова все-таки познакомилась с потолочной балкой, и я, ословев, сдалась на милость победителям. Тряска продолжалась еще минуты три, а потом в лицо подул свежий ветерок. Разлепив слезящийся глаз, я обнаружила, что толпа, человек пятнадцать, под громкое улюлюканье несет меня вверх по улице. Я хотела было заметить, что мой дом в другой стороне, но тут меня швырнули в воздух и не поймали.

Холодная вода мгновенно привела в чувство. Плавать я не умела. Голова все еще болела, и я медленно погружалась в реку. Память услужливо подсказывала, что Весла неглубокая, максимум два моих роста. Но когда ноги коснулись мягкого дна, я запаниковала, выпустив изо рта два десятка пузырей.

Вот так и умру. Глупая, идиотская смерть. Хотя какая жизнь, такая и кончина. Никто меня по-настоящему не любил, никто и плакать не будет. Отец уплыл, а брат забыл. Не до того ему сейчас – целой страной управляет. А ведь есть еще заговорщики, которые меня похитили. Зачем – вот бы узнать. С другой стороны, нет, не нужно этого знать, не хочу. Что бы они там ни задумали, все у них пошло не так.

Что ж, обо мне не сложат легенд. Не стану я чьей-то женой, не будет у меня больше надежд и радости. И могилой моей будет грязная речушка в богами забытой деревне на востоке страны, которой правил мой отец...

Я шмыгнула носом, подавилась водой, перепугалась и рванула вверх. Выскочила на поверхность, с шумом вдохнула и снова ушла на дно. Ну-ка, соберись!

Поднимая тучи брызг, я добралась до каменного парапета. Подтянулась на дрожащих руках, с трудом перевалилась вниз. Почувствовав спиной твердую землю, я рассмеялась. Небо над головой радовало голубизной, солнце ласкало кожу, от реки приятно пахло тиной. К черту все! Новая жизнь. Без воспоминаний, без лживых надежд и чаяний.

Не знаю, сколько я лежала так, улыбаясь и щурясь, разглядывая легкие облака. Наверное, пролежала бы и до вечера, если бы меня не накрыла тень, а мелодичный голос не произнес:

– Поднимайтесь, Ваше Высочество, вы простудитесь.

Глава 3

С тихим шипением я продолжала расчесывать волосы. Узлов было много, а вместо расчески приходилось использовать собственную пятерню. Затея, конечно, была глупая, но так я хоть как-то избегала неприятного разговора между мной и моими «спасителями». В лучших традициях дурно пахнущей истории ими оказались колдун и его девица. Фэрфакс смотрел с явной брезгливостью, его спутница – с любопытством, которое мне не нравилось. Молчание затягива-

лось, и в конце концов мне пришлось сдаться. Откинув мокрые волосы за спину, я угрюмо взглянула на парочку.

– Ну? Пришли насмеяться?

– Отнюдь, Ваше Высочество, – девица скромно потупила взор, чуть склонила голову и улыбнулась краешками губ. – Знай я раньше, что вы и есть та самая принцесса, то не позволила бы вам попасть в подобную ситуацию.

– И почему же?

– Потому что я искала вас.

Может быть, месяцев пять назад я бы с радостью вскрикнула и повисла на шее этой наемницы, но жизнь с Фэрфаксом все же кое-чему научила.

– Значит ты знаешь, кто я. – Я искоса взглянула на колдуну. – Вот тебе мой первый королевский приказ: арестуй это отродье.

Мужчина закатил глаза, сложив руки на груди и всем своим видом показывая, что очень хочет уйти. Женщина же продолжила улыбаться. Вместе эта парочка смотрелась идеально – вряд ли во всем королевстве нашлись бы менее симпатичные мне люди. Хоть сейчас в яму на полвека.

– К сожалению, Ваше Высочество, сила приказывать не всегда передается по рождению.

Интонация ее голоса мне не понравилась. На всякий случай я отодвинулась. В отличие от Фэрфакса, женщина была вооружена. И совсем не хотелось проверять, насколько остро заточен клинок.

– Королева без королевства, как музыкант без слуха, – продолжила красавица, холодно улыбаясь. – За вас была обещана награда, но без нее ваша жизнь и гроша не стоит.

– Тогда тебе придется меня откармливать, – я злобно хохотнула, – иначе награда выйдет совсем не королевская.

– А никто и не говорит, что она будет из королевской казны. Неужели в такую глушь новости совсем не доходят? – Женщина взглянула на Фэрфакса и, получив положительный ответ, коротко выругалась. – Вставай, принцесса, нам с тобой многое придется обговорить.

С трудом поднявшись с земли, я почувствовала, как мир медленно завертелся. Слепо вытянув руку, я ухватилась за колдуна, закрыла глаза и медленно сосчитала до десяти. К моему удивлению, все это время Фэрфакс спокойно стоял, не отстраняясь и не издавая вообще ни звука. Справившись с недоумением, я отступила на пару шагов и невразумительно буркнула «спасибо». Колдун коротко махнул рукой, пропуская меня вперед. Подобрав подол мокрого платья, я поплелась вслед за наемницей, не обольщаясь насчет своей судьбы. Кое-что я выучила еще лучше – гадости в мире случаются гораздо чаще, чем приятные неожиданности.

На улицы мы так и не вышли, огородами добравшись до старого амбара на краю поселения. Внутри было сухо, тихо и светло – стены просвечивали, как решето. Меня усадили на деревянный брус, выполняющий роль скамьи, и уже не церемонясь обрушили все последние новости.

Итак, за полгода моего отсутствия королевство изменилось.

Известие о моей пропаже отца весьма опечалило. Поначалу искали меня тайно – благо при дворе я не была популярна. Советники старательно нашептывали, что я сбежала из-под опеки с каким-нибудь низкородным рыцарем, и тогда мне и дорога, не стоит поднимать лишнего шума, чтобы не пострадал хрупкий, еще не до конца оформившийся союз с Таланией. Младшая дочь тамошнего короля уже полгода гостила в Катергейме, и дело шло к очень выгодному браку между ней и принцем. Но пропажу заметили. Отец меня все-таки любил, а еще был королем, потому не стал придумывать небылицы о моем побеге и объявил о поисках во всеуслышание. Советники, говорят, волосы на голове рвали от досады.

Тому, кто приведет меня обратно в отчий дом, пообещали щедрую награду: дворянам – титул с землей, а всем остальным – золото. Вот только от горя отец позабыл, что среди наших подданных полно хитрецов, желающих нажиться. У ворот королевского замка выстроилась целая очередь из девиц разной степени полноты и рыжины. Иные умельцы обривали наголо несчастных или намертво приклеивали парики. Балаган продержался три недели, пока один из послов мягко – во весь голос – не намекнул королю, что из-за непрестолонаследного ребенка так не убиваются. И вообще, как так получилось, что царственную особу украли из-под королевского носа? Наверное, с глазу на глаз он сказал еще много

чего – Талания славилась своими суровыми обычаями. К середине второго месяца с момент моей пропажи отец заявил, что скипетр, мантию, трон и все-все-все королевство вверяет сыну. Попросил у свежее испеченного короля дозволения отправиться послом за Зеленое море и в одно прекрасное утро уплыл. Разумом этот поступок отца я понимала: благо королевства превыше всего. А вот сердцем... Сердцем мне очень хотелось верить, что далось ему решение нелегко.

В качестве короля Лоренц поддерживал мои поиски еще пару недель. Поговаривали, что терпение его иссякло на особо наглой парочке шарлатанов, которых он приказал нагишом выпороть на главной площади Капитолия. После этого поток желающих нажиться на семейной трагедии иссяк, а еще через несколько недель поиски окончательно свернули, отделившись сухой речью: мол, пропала без вести, возможно, мертва.

Путем нехитрых вычислений я сопоставила, что примерно в это же время Фэрфакс разругался с моими похитителями. С помощью недолгих рассуждений я убедилась, что заговорщики свою цель видели не в выкупе и не в награде.

Если в первые месяцы в столичных тавернах еще изредка судачили о странной пропаже, то к концу лета история подзабылась окончательно. Но, по словам спутницы колдуна, были еще люди, которые готовы очень и очень щедро заплатить за мою персону.

– Но прежде всего, – наемница изящно сложила руки на

груди, – мне нужно убедиться, что ты та, за кого себя выдаешь.

– Его спроси. – Я мрачно ткнула пальцем в колдуна, который развалился на сене и делал вид, что дремал. К нашему разговору Фэрфакс проявлял удивительно мало внимания – лишь один раз подал голос, поправляя наемницу в какой-то малозначительной детали.

– Он, как ты его называешь, колдун, его слово мало где ценится.

– Да неужели? А вот придворный звездочет был очень уважаемым, – злорадно ухмыльнулась я. Фэрфакс пропустил колкость мимо ушей. – И как прикажешь доказывать?

– Для начала давай познакомимся. Меня зовут Делайла, и я немного знаю о жизни при дворе. Как звали твою самую первую нянюшку?

– Саира. – Я вспомнила сморщенную, загорелую пожилую женщину, которая тихо напевала мне грустные песни. Было в них много про пиратов, сокровища и драконов. Я засыпала, представляя, что однажды настанет день, и я уплыву навстречу приключениям. И далеко, там, где кончается край неба, найду счастье, о котором постоянно говорили взрослые. В то время королева Витория еще не решила, что делать с бастардом, поэтому в замке я была тенью. Лет мне было всего ничего. – И о чем это может тебе сказать? Саира давно умерла.

– А вот и нет. Живет, и вполне неплохо. От нее-то я и

знаю про твой шрам под коленом.

— Да о нем половина моих служанок знала. Тоже мне тайна.

— Как ты его получила?

Я послушно рассказала, как обожглась на кухне, необдуманно прислонив ногу к остывающему вертелу. Ума, конечно, у меня в то время было не особо много, но ругались тогда сильно: сначала за то, что сбежала из комнаты, а потом уже за все остальное.

Делайла выслушала, благосклонно улыбаясь. Видимо, убедившись, что я та самая принцесса, раз помню никому не известные подробности, она поведала свой план на мой счет.

Авантюра, в которую меня собирались втянуть, выглядела сомнительно. Но многообещающе. В соседней Ниверии проживал дворянин, который мог отдать за мою голову весьма много золота. Спрашивать, почему и зачем, я не стала. Только дурак не поймет, что молодой король за вновь обретенную сестрицу отдаст втрое больше. От меня же зависело, приду ли я к некоему графу Хёрсту на своих ногах, или же меня приволокут, не слишком заботясь о комфорте во время путешествия. Поразмыслив с полминуты и для вредности потянув еще время, я согласилась. Хуже, чем у колдуна, быть уже не могло.

Жизнь принцесс часто называют сказочной. Говорят это обычно с завистью, тихим шепотом, исподлобья наблюдая за каким-нибудь уроком танцев или рукоделия, или этикета, или во время долгой прогулки по летнему саду. Годам к шестнадцати молодая особа королевских кровей владеет стандартным набором навыков и умений: танцевать, петь, сочинять стихи, вышивать салфетки, степенно прохаживаться, держа ровно спину, улыбаться не «скаля зубы», есть с помощью вилки и ножа и не выхлебывать вино из кубка за пару секунд. Наиболее талантливые могут похвастаться умением рисовать или играть на музыкальных инструментах.

Сидя на поросшем мхом пне, я мысленно сокрушалась несправедливости. В голову наставникам не приходило учить меня ориентироваться по мху или звездам, разводить костер или махать мечом. Зачем это принцессе? Рано или поздно (по опыту предшественников обычно «рано») у нее будет муж, который прекрасно разбирается в этих делах. Зачем забивать прелестную головку подробностями, которые никогда не понадобятся? Будет принцесса жить прекрасной сказочной жизнью... Затем, что сказки – выдумка. И эту, в общем-то, идеальную в своей простоте мысль нельзя никогда упускать из вида. Но довольно о прошлом.

Делайла мне не нравилась. Мне вообще не нравились жен-

щины, разгуливающие по лесу в штанах, с мечом наперевес. Да и лес осточертел. Шел шестой день пути: я устала, промокла и могла похвастаться новой царапиной, тянувшейся через левую щеку. Ночлег находился под открытым небом: кутаясь в одеяла, мы по очереди несли караул. Вернее, я бесстыдно спала, пока за мной исподтишка приглядывал колдун. Не доверял, паршивец. И правильно делал. Все принцессы злопамятны, хотя и не все обладают хорошей памятью. Ему не повезло: на память я не жаловалась, а обиды во мне накопились хоть бочками вычерпывай. Кинжал в спине колдуну, конечно, не угрожал, но птиц с веток я специально не сгоняла, по утрам наслаждаясь его кислой миной.

С наемницей было сложнее. На все мои стоны она не обращала внимания, но просьбы выполняла охотно и даже сама начинала разговор. Интересовала ее жизнь при дворе: наряды, балы, еда и – женщина даже в походных штанах остается женщиной – сплетни. Я, истосковавшись по слушателям, с удовольствием делилась тем, что помнила. Колдун в наши разговоры не лез, лишь изредка хмыкал и кривил рот в презрительной усмешке. Он вообще не обращал на меня внимания, если не считать обрывистых команд «помой», «набери воды» или «сиди тихо».

Опасностей на пути было немало: лесные звери, разбойники и, возможно, еще какая нечисть. Про последнюю я бесстыдно подслушала, и беззаботно спать по ночам расхотелось.

В минуты одиночества, когда колдун и наемница были заняты, в мою голову настырно лезли мысли: как я согласилась на такую авантюру?! Хотелось отвесить себе хорошего тумака, хлестнуть лошадь и ускакать как можно дальше. Расспросить Делайлу не хватало духу, да и колдун был всегда рядом. Уж ему-то я не хотела показывать свой страх – засмеет, гад.

– Прорастешь, – равнодушно бросил Фэрфакс, проходя мимо.

– У меня от этого грубого седла все болит, – огрызнулась я, нехотя поднимаясь с уютного пня.

Солнце давно скрылось за кронами деревьев, когда наш маленький отряд остановился на ночлег. Критично оглядев стоянку, я пристроила одеяло в корнях дерева. Все равно уснуть не смогу, а лежать на сырой земле не хотелось. Однако колдовской огонь грел сильнее обычного, и очень скоро я задремала. Снилось мне мое умеренно счастливое детство, не омраченное ни обвинениями в грязной крови, ни заговорами, ни колдунами. Как наяву, я бродила по просторным комнатам летнего дворца, разглядывая фамильные портреты. Особенно мне нравилось полотно, на котором было изображено королевское семейство: отец, брат и женщина, которая для меня была лишь королевой. По ее желанию моя жизнь проходила вдали от родни, в четырех стенах обветшалой усадьбы, по недоразумению называвшейся дворцом. Конечно, иная на ее месте просто удавила бы меня в младенчестве, но королева Витория поступила мудрее: не став при-

знавать меня бастардом, она предпочла прослыть злой матерью, сохранив идиллию в семье еще на десяток лет. До самой своей смерти.

Я все разглядывала картину, когда меня окликнула служанка. Повернувшись обратно к картине, я встретила взглядом с колдуном. Не с настоящим: на лице мужчины, искусно изображенного на холсте, застыло такое же сосредоточенное и внимательное выражение, какое обычно бывало у моего похитителя. А еще прямой нос и правильный подбородок придавали им немалое сходство, разве что глаза отличались – были янтарными. Совсем не по-королевски показав портрету язык, я шагнула к окну, широким жестом раздвинув тяжелые шторы. На улице комьями валил серый снег. Сад пропал, сменившись изломанными хребтами гор. Я не успела удивиться, как стекло треснуло и взорвалось тысячей осколков.

Вздрагнув, я проснулась, выпуталась из одеяла и огляделась. Совсем стемнело. Костер неярко освещал полянку, лишь чуть-чуть рассеивая сумрак. В полумраке я различила две фигуры с обнаженными клинками. Я уже хотела испугаться, но сообразила, что это колдун и наемница. Одним богам известно, почему они не могли просто лечь спать, как все нормальные люди, и каждую ночь то пели песни, то громко смеялись, то кривлялись, хвастаясь своими похождениями, а теперь еще и новое развлечение нашли – подраться. Я искренне желала, чтобы они забили друг друга до смерти. Сон

больше не шел. Досадливо чертыхнувшись, я выбралась из-под одеяла, откинула растрепанные волосы за плечи и принялась ждать, когда поединок закончится.

Смотреть на бой было тошно. Я пыталась занять себя перекладыванием скудных пожитков, но звон стали назойливо лез в мысли. В конце концов я сдалась, положила подбородок на колени и наблюдала за поединком. Наемница орудовала мечом. Гибкая, изящная, она танцевала, дразня колдуна. Фэрфакс казался неповоротливым боровом: рычал, отбивая атаки двумя кинжалами, хмурился и, как мне казалось, воспринимал поединок как нечто большее, чем обычную тренировку.

Выждав удачный момент, Делайла отправила его на землю пинком в живот. Досада колдуна подняла мне настроение. Мужчина оказался прижат к земле каблуком наемницы. Склонившись, она что-то говорила, а Фэрфакс шипел сквозь зубы и не сопротивлялся. Я уже собиралась отпустить язвительную шутку, когда каким-то чудом мужчина оказался сверху, подмяв под себя наемницу. Еще с полминуты она пыталась вырваться, но тот, наверное, удерживал ее магией. Внезапно повисла очень неприятная тишина: колдун низко склонился, мигнул костер, а я, что было силы, кашлянула. Оба подпрыгнули от испуга. Я нахально отсалютовала им пальцами и гаденько улыбнулась, видя раздосадованное выражение лица колдуна. Вот только лицезреть злодейские нежности мне не хватало!

– Я, между прочим, хочу спать.

– Так спи. – Фэрфакс помог девушке подняться.

– Это очень сложно, когда вы скачете тут, как раненые зайцы.

– А ты отвернись, – посоветовал колдун.

Делайла выглядела немного смущенной. Она уселась возле костра, закутавшись в одеяло, и прикрыла глаза. Не говоря больше ни слова, колдун улегся спать. Я еще немного поворчала себе под нос, костеря Фэрфакса. Только слепой не видел, каким он был идиотом – влюбленным идиотом, ибо Делайла не была настроена отвечать взаимностью. О, в этом я кое-что понимала! И тихо радовалась, предвкушая разбитое сердце мерзкого колдунишки.

Следующим днем мы вышли к небольшой деревеньке. До Острогов ей предстояло расти еще не один десяток лет, хотя домов в ней было предостаточно и даже нашелся постоянный двор. Истосковавшись по мягкой постели, я узурпировала единственную кровать, приготовившись сражаться до последнего вздоха за право спать по-человечески, но Делайла куда-то исчезла, а колдун лишь махнул рукой.

Молчаливость никогда не была сильной чертой моего характера. Взбив подушку, я принялась рассуждать о графе, который не поскупился заплатить за мою голову кругленькую сумму. Фэрфакс слушал с умеренным интересом, изредка кивая.

– Но мой брат дал бы втрое больше, если бы ты отвел меня

домой.

– Сомневаюсь.

– А все-таки зачем я этому графу?

– Наверное, хочет снискать благосклонность короны, – пожал плечами колдун.

– О, это он точно получит. Но что мешало тебе самому отвезти меня во дворец и получить награду? Тогда, когда твои первые наниматели решили выйти из игры. – Я улыбалась, разглядывая колдуна. Страх перед ним давно пропал, осталась обида и желание сделать какую-нибудь гадость.

– Ну. – Фэрфакс критично оглядел дырку на локте, снял куртку и повесил на стул. – Мне хотелось, чтобы из тебя вышел толк. Иными словами, мне стало жаль губить такую глупышку, поэтому я решил пересадить тебя в благодатную почву деревни, где ты бы прожила беззаботную жизнь вдали от убийц и всяких заговоров.

– А, теперь это называется так, – у меня непроизвольно сжались кулаки.

– Да, и я ни капельки не жалею о своем поступке. – Мужчина подошел к кровати, глядя на меня сверху вниз. – А теперь ты уйдешь.

– Вот еще.

– Тогда я лягу рядом. – Фэрфакс, не дожидаясь ответа, развалился поверх покрывала и отобрал подушку. Я подскочила как ошпаренная.

– Можешь сходить прогуляться, – милостиво разрешил

колдун, и я последовала его совету. Прогуливаться пришлось по единственной прямой улице, ловя на себе подозрительные взгляды местных жителей.

К шепоткам за спиной я привыкла. Иногда льстила себе мыслями, что все дело в красоте, которой, если говорить честно, у меня было немного. От неизвестной матери мне досталась бледная кожа, симпатичные ямочки на щеках и правильный нос. От отца – зеленые глаза и рыжие волосы. Но шептались вовсе не об этом, а о том, что больно не сходятся сроки, да и обстоятельства моего рождения, как бы так сказать, окутаны тайной. В дворянских семьях, наоборот, принято из такого события делать большой праздник, а меня же до последнего ото всех скрывали, разве что в чулане не прятали, пока отец не стал королем.

Вспоминая прежнюю жизнь, я сама не заметила, как оказалась достаточно далеко от постоянного двора, почти на самой окраине деревеньки. Последний покосившийся забор окружал пепелище. Горело давно, почерневшая печь возвышалась над черными балками, уныло смотря в небо. Я остановилась напротив, рассеянno постукивая пальцами по уцелевшей жерди.

– Знатный был пожар.

Я вздрогнула от неожиданности и стремительно обернулась. Дряхлый старик стоял у калитки напротив, опираясь на узловатую клюку. Одного глаза у него не было, зато перекошенный рот был полон зубов. Седые волосы нечесаными

космами спадали ниже плеч.

– Тебя на свете еще не было, – продолжал он, глядя сквозь меня, – когда дом мага сожгли.

– Колдуна, что ли?

– Хороший был мужик, зубы лечил, – старик растянул сухие губы в улыбке, – даже после смерти чары действуют. Поэтому и боятся здесь жить.

Я запоздало сообразила, что обжитых домов рядом с пепелищем не было.

– Но раз было давно...

– А у мертвых время по-другому течет, девочка. Для меня – давно, для тебя – вечность назад, а для духа – пару секунд. Дом-то сожгли с магом внутри. Дверь снаружи подперли оглоблей, чтоб не выбрался. Только я все помню.

Мне стало неудобно. Чувство было таким сильным, что, не будь я принцессой, подобрала бы юбку и пустилась прочь со всех ног. Старик, видимо, довольный произведенным эффектом, заковылял к своему дому. Стараясь не поворачиваться спиной к пепелищу, я последовала его примеру.

Постоялый двор встретил послеобеденной тишиной. На веранде дремал дородный мужик в дорогом камзоле, совсем не вяжущемся с простыми холщовыми штанами. В главной зале кто-то курил возле очага. Поднимаясь по лестнице, я услышала голоса, и их интонации мне совсем не понравились.

Колдун и наемница ругались. По-особому: спокойно, зло.

Без криков, швыряния посуды или молний, но от фальшивого спокойствия волосы на голове вставали дыбом. Я мялась у порога, не решаясь зайти. С одной стороны, какое мне дело до разборок двух чудаков, но с другой – все равно же придется входить. В конце концов я толкнула дверь, с непроницаемым лицом заглядывая внутрь.

К моему мрачному удовольствию, все было еще хуже, чем слышалось. Колдун нервно расхаживал из угла в угол, а Делайла деловито полировала меч.

– ...Знаешь, работенка не пыльная, делов – на день. От плана не сильно отклонимся, – не заметив меня, продолжала девушка. – Да и когда ты бежал от опасности, поджав хвост, как трусливый пес?..

– Работенка? – Я подозрительно сощурилась. Понятия не имею, чем занимаются наемницы, но мне это уже не нравилось. Как и Фэрфаксу. Лицо колдуна посуровело, и в его коротком, но емком «нет» угадывалось раздражение. Делайлу это ничуть не смутило. Она раскачивалась на стуле, закинув ноги на подоконник.

– Мы здесь не одни. – Колдун покосился на меня, складывая руки на груди.

– А она нам тоже пригодится, – девушка одарила меня обворожительной улыбкой, от которой мучительно заныл живот. – С тобой или без тебя, но я за это возьмусь. А ты остался все таким же... Слишком осторожным.

У меня был шанс сбежать. Вот прямо сейчас попятиться

назад, аккуратно прикрыв за собой дверь, и удрать как можно дальше от разъяренного колдуна. Воображение услужливо рисовало гром и молнии, обрушившиеся на несчастный постоялый двор. Я знала: обвинения в трусости Фэрфакс не переваривал ни под каким видом. Усвоено это было меньше чем за неделю и стоило мне стольких страданий, что забыть невозможно.

– Хорошо. Я помогу, – как-то тускло ответил колдун. – Но не жди, что я буду в восторге.

– Разумеется, нет. Мы выдвинемся на закате и к полуночи уже будем свободны. Эй, милочка, куда это собралась?

Я замерла, крепко вцепившись в ручку двери. Намечалось что-то по-настоящему плохое.

– Еды хотела достать, – нашла я, невинно пряча руки за спиной.

– Об этом мы позаботимся. Скажите-ка, принцесса, вы боитесь темноты?

– Нет.

– А того, что может в ней обитать?

– Я путешествую в компании с колдуном. Это всем остальным надо нас опасаться.

– Прелестно! – Делайла хлопнула в ладоши. – Значит, ты не будешь возражать против нашей маленькой прогулки?

– Буду.

– А, впрочем, неважно. Ты девица?

Тут я задохнулась от возмущения. С распутством выше-

го света я была знакома не понаслышке. Несмотря на то что большую часть жизни я провела не в столице, в округе летнего дворца было достаточно поместий, где всю кипела жизнь.

Редкая влюбленность обходится без ночных побегов и тайных встреч где-нибудь за конюшней. Было это настолько само собой разумеющееся, что подобный вопрос никогда и не поднимался. Королевская семья всегда находилась в центре внимания. И если мой брат мог позволить себе вольности, которые бы простила людская любовь и благосклонность советников, то мне, как бастарду, не оставалось ничего иного, кроме как вдвойне усердно вести себя прилично. Да и, если быть совсем честной, мне в голову не приходило, что кавалеров можно поощрять чем-то большим, нежели улыбкой или восхищенным вздохом. К тому же кавалеров-то было не то чтобы много. Затворничество, на которое меня обрекло происхождение, оставило отпечаток на моем характере. Так что, пожалуй, я могла бы стать одной из самых целомудренных принцесс за последний век.

По моим щекам разлилась жаркая краска. Делайла бессердечно ухмылялась, а колдун, казалось, вот-вот рассмеется. Гнев придал сил, и я, гордо вскинув голову, ответила.

– Ну и замечательно. Одной проблемой меньше.

– Не только волкодлаки падки на девственниц. – Фэрфакс покачал головой.

– Но нам нужны только они.

– Лес дремуч...

– От медведя мы ее как-нибудь защитим.

– Я вообще-то против, – мой голос сорвался.

– Милая, выбора у тебя нет, – наемница потрепала меня по макушке. – Должна же от тебя быть хоть какая-то польза?

– А какая польза от меня будет, если в лесу меня что-нибудь сожрет?

– Не сожрет, – самоуверенно откликнулась Делайла. – Волкодлаки – одиночки. Глазом не успеешь моргнуть, как мы сделаем из его шкуры новое одеяло.

– Нет уж, спасибо. Тебе надо...

– Помнится, у нас уговор: с комфортом до графа в обмен на полное послушание, – Делайла отложила меч. – Можем перейти к запасному плану, где ты путешествуешь с мешком на голове. В любом случае на закате тебе предстоит небольшая прогулка. Со связанными руками или нет?

Я бросила взгляд на колдуна. Возможно, мне показалось, но он едва заметно покачал головой. Гаденыш этакий, чтоб их всех...

– Ладно, от одной прогулки еще никто не умирал, – угрюмо пробурчала я, косясь на потрепанный бордовый плащ в руках наемницы, – но вот без этой тряпки лучше обойтись...

* * *

Если взглянуть на жизнь знатной дворянки, можно заме-

тить, что распорядок ее дня, хоть и весьма насыщен событиями, по природе своей ужасно однообразен. Полчаса уходит на кручение перед зеркалом, еще час – на легкий завтрак, два часа после – на занятия всякой ерундой: вышивание, придирчивое разглядывание собственных (или, чаще всего, чужих) поделок, плетение кошелечков, заказ новых нарядов. После обеда, когда солнце еще слишком высоко, чтобы начинать танцы или развеселый пир, те счастливицы, чьи мужья достаточно богаты, чтобы обладать собственным садом, неспешно прогуливаются по ухоженным аллеям, слушают щебетание птиц и любуются розовыми кустами. Иные довольствуются пешими прогулками в город или по окрестным лугам. Так или иначе, минимум четыре часа они проводят на свежем воздухе, набираясь сил для вечерних увеселений. Поэтому ни одна дамочка не откажется от прогулки в две или три мили в погожий денек.

Именно так рассуждала Делайла, для убедительности крепко придерживая меня за плечи – видимо, чтобы я не сбегала от этой блестящей перспективы. А я отказалась. Пришлось, правда, добавить с десяток бранных слов, от которых уши любой приличной девушки покраснели бы, как спелые помидоры. Но наемница лишь хмыкнула, накинув мне на плечи дорожный плащ и толкая на едва видневшуюся среди густой поросли тропинку. Я протестовала, идя нарочито медленно, заставляя наемницу наступать мне на пятки, и не скупилась на проклятия. В лучшем случае ее ждала быстрая

смерть от рук придворного палача.

Роль приманки мне категорически не нравилась, как и прогулка по дикой чащобе, в которой обитает невесть какая нежить. Я объяснила это и колдуну, и Делайле, но оба остались равнодушны к моим доводам.

– И что мне там делать?!

– Просто идти, – очень спокойно откликнулся колдун, – найди какую-нибудь полянку, полюбуйся природой.

– А если оно придет меня жрать?!

– Что значит «если»? Оно придет, а мы его убьем.

– А если...

– Хватит. – Фэрфакс поджал губы. – Тебе нечего бояться.

– А монстра?! – Я надрывалась изо всех сил. Кажется, мои яростные крики слышали на другом конце королевства.

– Если ты не заткнешься, мы разыграем сценарий с оглушенной приманкой, – Делайла подмигнула и, прежде чем я успела огрызнуться, юркнула в ближайшие кусты.

– Чтоб ты там и осталась. – Я почувствовала, как к глазам подступают слезы. Фэрфакс задержался на несколько секунд, окидывая меня внимательным взглядом. – И ты тоже. Чтоб оно вас сожрало.

– Не сходи с тропы, – бросил колдун и буквально растворился в воздухе.

От злости хотелось выть не хуже оборотня. В место, где только что стоял Фэрфакс, полетела ветка, затем – шишка, валявшаяся под ногами, а когда и это не принесло облегче-

ния – мой собственный кулак. Молотить рукой воздух было глупо, но так действительно полегчало. Убедившись, что колдун исчез, я зашагала по лесной тропинке.

Обычно гулять по лесу мне нравилось. Королевский парк не мог похвастаться дикой природой – там все было аккуратно подстрижено, вымыто, убрано. Цветы росли в строгом соответствии с замыслом главного садовника, а сухую листву и ветки собирали раньше, чем они успевали опасть на землю. В летнем дворце, где я провела большую часть своей жизни, дела обстояли чуть иначе. Дворцом это место называли лишь отпетые лжецы. Усадьба, хоть и большая, сложенная из белого камня, порядком обветшала и изнасилась. Сад плавно перетекал в лес, где я могла часами бродить по тропинкам, мечтая о прекрасном принце из сказок и большом приключении. Мне нравилось ощущать под ногами ковер из осыпавшихся иголок, прошлогодней листвы и мха. Вот только в королевском саду не водились зубастые чудовища, и худшее, что могло со мной там случиться, – это порванный подол платья.

Из воспоминаний меня выдернул громкий крик какой-то птицы. Откинув капюшон плаща, я огляделась: чаща как чаща, дикая, зеленая, на первый взгляд непроходимая. Увлечшись собственными мыслями, я сошла с тропы и заблудилась. Но паниковать не стала. Эти двое непременно за мной следили.

От плаща нестерпимо несло псиной. Заходящее солнце,

едва пробивавшееся через густую крону деревьев, все еще грело, поэтому мне было жарко.

– Эй, – на всякий случай я покосилась в самые густые заросли, где, как мне казалось, могли скрываться наемница и колдун, – я пойду туда. Надеюсь, вы двое хоть что-то умеете.

Разумеется, никто не ответил.

Идти без цели было утомительно. На исходе второго часа я окончательно выдохлась, рассердилась и уселась на дряхлый пенё. Интересно, думали ли мои спутники о том, что их охота затянется?

На саму себя я злилась не меньше. По какой-то совершенно иррациональной причине мне хотелось встретиться с волкодлаком нос к носу, чтобы мерзкая псина мой нос откусила, назло колдуну. Как так вообще получилось, что я оказалась втянута во все это?

Разберемся по порядку: меня, по заказу темных и однозначно мерзких личностей, похитил колдун, а когда не получил за это ни медяка – сдал в какую-то деревню прозябать до конца своих дней. Потом, стоило на горизонте появиться подработке, отправил в лес на съедение нечисти... Да уж, именно о таких приключениях мечтают принцессы.

Лесные звуки клонили в сон. Расстелив плащ на земле, я прислонилась спиной к пню. Сидеть так предстояло долго, судя по тому, что пока волкодлак нападать на меня не собирался. Я на всякий случай поглядела по сторонам, но очень скоро и это занятие надоело. Чувство страха притупилось

сначала злостью, а потом – обидой. Да и от злости, если говорить честно, почти ничего не осталось.

Это в сказках злодей ведет себя как герой: если похищает, то бережно; в плену не издевается, не мучает, не требует... всякого. Но стоило признать, что Фэрфакс был не худшим похитителем. Что-то мне подсказывало: окажись на его месте Делайла, она не стала бы со мной возиться после того, как контракт разорвали – прикопала бы во дворе и отправилась дальше. А колдун всегда поступал не так, как ожидалось.

Вспомнилась моя первая попытка побега: очень глупая и спонтанная. Произошла она на третий день заточения. Я помнила, как выбралась из дома, разбив окно, как тяжело и медленно бежала через лесную чащу, часто и нервно оглядываясь назад. Но колдун меня не преследовал. Тогда это казалось большой удачей, пока я буквально не влетела в стаю матерых волков. Вот тут Фэрфакс и объявился.

Из воспоминаний меня выдернул грубый мужской голос.
– Ты чего здесь делаешь?

Я дернулась, запуталась в плаще и больно ударилась о пень. Толком не проснувшись, перекатилась и отгородилась от незнакомца остатком дерева.

– Ничего.

Мужик возвышался надо мной, почесывая густую бороду. Выглядел он как обычный человек: высокий, очень крепкий, с уставшим и немного загорелым лицом. Клыков, когтей и шерсти я не разглядела.

– Опасно в лесу. – Он опять нарушил тишину. – Ты что здесь делаешь?

– Гуляю. Природой люблюсь.

– Про нежить, что ли, не слышала?

Вместо ответа пришлось развести руками. Как еще объяснить, что я приманка для этой самой нежити?

– Я... я в нее не верю, – нашлась я, поднимаясь на ноги. – Все про нее говорят, но никто не поймал. Вот я хочу убедиться своими глазами.

– Слабоумная небось? – прищурился мужик. Я тяжело вздохнула, выразительно оглядываясь.

– Слушай, у меня тут... дела. Как раз в темноте. Дела на одного, понимаешь?

– Не очень, – честно ответил новый знакомый. – До деревни до ночи не успеешь вернуться уже.

– Да я и не собираюсь.

– Пойдем, переждешь ночь в сторожке. Безопаснее будет, чем тут.

– Да неужели? – Я скептически приподняла бровь, глядя на протянутую руку. Вроде обычная ладонь: широкая, мозолистая, с грубой кожей. Мужик как мужик, обычный. Совершенно обычный мужик, который совершенно случайно оказался рядом. – Я лучше тут, благодарю.

– Ты хоть раз ночевала в лесу? – не унимался тот. – Умеешь разводить огонь?

– Умею, – раздраженно соврала я.

– Нельзя девушкам одним по лесу в темноте бродить, – как заведенный, продолжал незнакомец, делая несколько шагов навстречу. – Опасно. Как лесник тебе говорю.

Было в его словах что-то до одури правильное: нельзя шестнадцатилетним пигалицам ночевать в лесу, а еще их нельзя использовать в качестве обеда с доставкой прямо в логово чудовища.

– Ну... я тут как бы... не то чтобы одна. – Я замешкалась, оглядываясь по сторонам. Ни колдун, ни наемница себя не обнаруживали. По всей видимости, их либо устраивал такой поворот охоты, либо они уже переваривались в животе у нечисти. В любом варианте я ничего не теряла. – Ладно, веди.

Мужик медленно опустил руку, сверля недоверчивым взглядом.

– Не одна, говоришь?

– Не совсем... Вот прямо сейчас одна. – Я скривилась, представляя выражение лица Фэрфакса. – А вот бывает так, что ты вроде бы один, но на самом деле не один.

– А-а... Голоса в голове? – Мужик внезапно улыбнулся.

– А... ага. – Я подавилась возмущенным возгласом, лишь устало махнув рукой. – Гнали меня от самой деревни. Ни минуты покоя, – выразительно добавила я.

– Пойдем, пока совсем не стемнело, тут недалеко. Завтра отведу тебя обратно домой.

– Да, было бы просто за-ме-ча-тель-но, если бы хоть кто-

нибудь отвел бы меня домой! — кусты, к которым был обращен мой едкий комментарий, остались безучастными. — Не обращай внимания, голоса же. — Я подмигнула удивленному леснику. — Веди.

Дважды повторять не пришлось: мужик (кстати, спросить бы, как зовут) развернулся и зашагал в чащу. Мне пришлось почти бежать, чтобы за ним успеть. Шагов через сто я досадливо вспомнила, что плащ остался на земле. Ну и пес с этой тряпкой, не велика потеря.

Темнело и правда очень быстро. Я была готова поклясться, что мрак сгустился прямо-таки с неестественной скоростью — словно кто-то накрыл лампу покрывалом. Моего проводника это не смущало: он уверенно пробирался через лесные заросли, ни на секунду не сбавляя темпа. Через полчаса такой ходьбы я окончательно выдохлась, стала запинаться и, как закономерный итог, все-таки растянулась на мху, потирая ушибленную ногу.

— Эй, погоди... — дыхание сбилось, когда я обнаружила, что мужик просто исчез. Впереди, в метрах ста, мерцал слабый огонек. — Фэрфакс? Делайла? Вы тут?

От страха голос почти пропал. Никто не ответил. С трудом взяв себя в руки, я поднялась на ноги. Вокруг, насколько хватало видимости, был только густой лес.

Прихрамывая, я побрела в сторону огонька. Выбора особо не было: обратной дороги я бы не нашла и при дневном свете, что уж говорить про стремительно надвигающуюся ночь.

– Я очень надеюсь, что это все часть вашего прекрасного плана, – прошипела я, замирая на пороге покосившейся хижины.

Увы, моим надеждам было не суждено сбыться: хижина выглядела уже много лет как заброшенной. Крыша уцелела, но пол покрывал толстый слой пыли. Единственная целая скамья была застелена почти истлевшим покрывалом, а из-под неплотно прикрытой двери смежной комнаты виднелась полоска света.

Вторая часть хижины была еще меньше. Огоньком оказался толстый огарок, воткнутый в кружку. Здесь, как и в первой комнате, было пыльно, тихо и безлюдно. Я уже собиралась выйти, прихватив свечу, как взгляд зацепился за дальний угол. На старой, подгнившей с одного бока кровати кто-то был. Лежал, накрытый с головой пыльной тканью.

Если раньше происходившее мне просто не нравилось, то теперь я в полной мере ощутила панику. В сортах нежити я не разбиралась, глобальная классификация магического мира в моем исполнении выглядела так: колдуны, упыри и все остальное, что может убить или сожрать. Кто или что именно скрывается под покрывалом, знать не хотелось, поэтому я, сохраняя остатки самообладания (вдруг колдун все-таки за мной наблюдает), попятилась к выходу. В какой-то момент я даже поверила, что удастся сбежать от неприятностей: тихонечко уйти и спрятаться где-нибудь в лесу, переждать ночь, а потом высказать Фэрфаксу и наемнице все, что я о них

успею надумать.

Но, увы, везения мне было отсыпано ровно до порога хижины. По-прежнему пятясь, я уперлась во что-то мягкое и холодное. На то, чтобы обернуться, храбрости уже не хватило. На плечо упала тяжелая рука, а порыв ледяного дыхания задул дрожащую в моих ладонях свечу.

Глава 4

– Так, говоришь, ты не упырь и не оборотень? – Я приняла очередную попытку разговорить нежить.

– Угу. Дух.

– А имя-то у тебя есть?

Лесник, возившийся в маленькой комнате, замер, растерянно почесал бороду и снова отвернулся. Было видно, что подобных вопросов он раньше не получал. Или просто отвык, что кто-то с ним пытается разговаривать, а не кричит,

улепетывая через чашу.

Нет, я не была исключением. Час назад, едва свеча погасла, я, что было мочи, заорала и бросилась бежать. Удивительно, у меня даже получилось. Почти. Я бежала через темные заросли с четким ощущением, что за мной гонится тот самый мужик с топором наперевес. Вообще топора я не видела ни до, ни после, но какой лесник без топора?

А уж нежити так точно нужно оружие, чтобы метнуть в беглянку. Наверное, именно это пришло мне тогда в голову, потому что другого рационального объяснения своим действиям я сейчас найти не могу. Итак, я ласточкой нырнула в кусты, надеясь отлежаться. Как назло, за зарослями оказался довольно глубокий овраг. Скатившись по крутому склону и попутно приложившись разными частями тела несколько раз о торчащие коряги, я растянулась на земле, поплывшим взглядом наблюдая, как не спеша подходит нечисть. Страшно было ровно до той секунды, пока где-то позади не раздался очень раздраженный голос колдуна.

– У меня все под контролем.

Ну, под контролем так под контролем. Я обмякла и без сопротивления позволила леснику схватить меня за ворот платья и перекинуть через плечо. Со лба потекла кровь – падение не прошло бесследно. Некоторое время даже пыталась бороться с головокружением, но в итоге сдалась, провалившись в мягкую темноту.

Очнулась же уже в знакомой избушке. Голова болела, шея

и руки, скованные тяжелыми кандалами, ныли. Однако в роли пленницы было даже спокойно. Согласитесь, кто будет сковывать потенциальный обед непосредственно перед употреблением? Да и слова колдуна не выходили из головы.

Сидела я так уже больше часа и все же решилась заговорить. К моему удивлению, мужик не только ответил, но и дал попить дурно пахнувшей воды.

– Так звать-то тебя как?

– Нет у меня имени, – буркнул мужик, застыв в дверях и глядя на меня исподлобья.

– Не бывает такого. У всех есть имена. Даже вот у того, что там на кровати лежит, раньше было имя.

– Было, – мой пленитель нахмурился, словно вспоминая, – Велька. Ее звали Велька.

– Вот видишь. Она – Велька, я – Рила, а ты?..

Мужик прикрыл глаза, пожевал губу и снова скрылся в комнате. Общительным этот дух явно не был. Хотя откуда мне знать, какими вообще духи бывают? В моем представлении, основанном на всевозможных сказках, призраки были, пугали незадачливых прохожих, гремели цепями и были нематериальными. Мужик из леса выглядел как обычный селянин: не выл, цепей не носил, да и вообще имел вполне осязаемое тело, только разило от него неестественным холодом.

– Доран, – неожиданно и несколько удивленно раздалось из комнаты, – меня так звали. Давно.

– А зачем ты меня заковал, Доран? – Я демонстративно потрясла кандалами.

– Потому что так надо. – Лесник вошел в комнату, аккуратно закрыв за собой дверь. – Чтобы ты не убежала.

– Сам видел – я и без этих цепей бегать не умею, – пожала плечами я. – Так что ты здесь делаешь?

– Разговорчивая сильно, – пробормотал лесник, нависая надо мной, – не боишься?

– Нет, – соврала я. Страшно было, но не так чтобы сильно. – Духи же не питаются людьми, правда?

– Откуда мне знать.

– Так ты же дух, верно?

– Верно. – Доран снова почесал бороду. Лицо у него было простым, открытым и вообще никак не вязалось с нечистью. Движения были угловатыми, скованными, вдобавок ко всему он ощутимо хромал.

– Привидения не едят живых. Духам не нужна пища. – Я старалась говорить спокойно, так, чтобы самой поверить в свои слова. – Духам живые вообще не нужны, правда? Вот ты призрак, живешь, – я запнулась, но лесник не обратил на это внимания, – живешь своей жизнью. Зачем ты меня поймал?

На этот раз Доран задумался минут на десять. Было видно, как он пытается что-то вспомнить, и это дается ему тяжело. Наконец лицо лесника разгладилось, и он облегченно выдохнул:

– Темный приказал.

Его слова мне не понравились. Одно дело (безусловно, дурацкое) – охотиться на волкодлака, другое – на духов, и совсем третье – связываться с темными магами. О темных магах я знала немногим больше, чем обо всех остальных разновидностях колдунов. Но знаний, да и мозгов, хватало, чтобы сделать вывод, что хорошего человека темным звать не будут.

Неожиданно Доран опустился передо мной на колени, заглядывая в глаза. Испугавшись этого резкого движения, я вжалась в грубую бревенчатую стену. Кандалы громко звякнули.

– Почему ты другая?

– Какая?

– Не боишься. Другие боялись.

– А много других было? Что с ними случилось?

– Много. Я должен приводить... каждую пятую луну... по одному, – дух сжал голову огромными ладонями, словно пытался избавиться от головной боли. – Чтобы Велька жила.

– Велька? – Я недоверчиво повернулась к двери, за которой на старой кровати лежали кости. – А ты давно ее видел-то?

Яростно взревев, дух вскочил и бросился в маленькую комнату. Я сидела, боясь лишний раз вдохнуть. Протяжный горький стон нарушил тишину.

– Вспомнил. Иди сюда.

Любовь – прекрасное, светлое и лучшее чувство в мире, но только когда оно взаимно. Безответные чувства способны положить начало темным поступкам. Даже самое доброе сердце, снедаемое неутолимой ревностью, рано или поздно превратится в черную пустоту.

При жизни Доран был завидным женихом: работающим, заботливым и внешней красотой, по меркам местных барышень, не обделенным. Простоват, но это и к лучшему. Девушки заглядывались на него, поэтому на каждой ярмарке лесник отплясывал с любой красоткой, какая ему приглянулась. А когда пришло время, нашел себе невесту – красавицу Вельку, позабыв об остальных дамах сердца. Это и сыграло с ним злую шутку. Будь Доран немного умнее и хитрее, не стал бы о своем счастье на каждом углу трепать, и с любовницами расстался бы по-дружески.

Велька слегла. Сначала ее рвало, затем она бредила, а после и вовсе почти не просыпалась. День, второй, третий – жизнь медленно покидала тело девушки, и лекарь лишь разводил руками. Отчаявшись, Доран обратился к местному знахарю-колдуну.

– И он тебя обманул? – перебила я плавный, изобилующий повторами монолог духа.

– Не обманул, обещал помочь. Пришел, осмотрел Вельку

и сказал, что на ней заклятие.

– Твою невесту кто-то проклял?

– Да.

– Это, случайно, был не местный колдун? – Я вспомнила древнее пепелище: зловещее, черное, не зарастающее травой даже спустя много-много лет. Лесник замотал головой.

– Местный знахарь помочь хотел. Сказал, что сделает лекарство, ему только надо собрать кое-какой травы в лесу... Велел ждать в полночь.

– Но колдун не пришел?

– Не пришел. Я прождал несколько дней, боялся отойти. Вдруг она очнется, а меня не будет рядом? – Лесник тоскливо взглянул на белые кости. – Потом пришлось идти в деревню, вот только колдуна там не было. – Дух сжал кулаки.

Я живо представила, как крепкий мужик врывается в избушку, но никого не находит, в ярости хватает свечу и кидает на неубранную в спешке постель. Огонь поднимается до небес, а из подвала доносятся крики обманщика. В моих фантазиях он кричал голосом Фэрфакса.

– Она и тут перехитрила всех, – продолжал дух. – Сожгла колдуна вместе с домом, а пока меня не было...

Без дальнейших слов стало понятно, что окончательно отойти в мир иной Вельке кто-то помог.

– Она?

– Карисса. Ее так звали, – лицо духа помрачнело. – Старостина вдова из Гринлока. Все хотела, чтобы я быстрее же-

нился... А когда узнала про меня с Велькой, так обрадовалась, что целую корзину яблок прислала.

– Очаровательно. – Я закатила глаза. – Отвергнутая старуха шлет подарки молодой невесте.

– Не старухой она была. Вполне себе... ничего, – немного смутился лесник. – Но Вельке не ровня.

Я придирчиво оглядела мужика. Черт их разберет, этих деревенских девок: мужик как мужик, в каждой деревне таких пруд пруди, выбирай любого.

– Я несколько дней бродил по лесу. Не хотел возвращаться, хоронить... Там его и встретил.

– Кого?

– Темного. Он сказал, что пришел по просьбе колдуна и готов... помочь. Вельку было не воскресить – от нее уже разошлось, – дух провел ладонью по старому черепу. – Но способ был.

– Стать привидением? – Я забылась и саркастично хмыкнула.

– Переселить в другой сосуд. Темный обещал все сделать, мне только нужно было принести сосуд и выпить зелье...

– Что же могло пойти не так? – хорошо зная результат случившегося, я изобразила притворное недоумение. В деревнях-то точно должны были знать, что с колдунами связываться себе дороже.

– Я как рассудил: Велька при жизни была красавицей, так пусть и новое тело красивым будет. Еще и знатной станет,

заживем в покое наконец, – тут вдруг дух всхлипнул.

– Стало быть, приволок ты не простую деревенскую девку, а старостину вдову. Ту самую, отравившую твою Вельку?

– Принес, как полагается, в полночь на полянку, оставил. Вернулся сюда, три капли в рот Вельке, остальное – сам выпил, гадкое, противное... Стал ждать и уснул, а когда проснулся – от Вельки уже ничего не осталось, кости только.

– А темный маг? Искал?

– Искал, по лесу ходил целыми днями. Иногда приходил в ярость – лес рубил, животных калечил. А потом, однажды... – Доран замялся.

– Под руку грибник подвернулся? – догадливо подсказала я.

– Темный объявился.

– Тот самый?

– Тот самый, паскудник мерзкий... Явился ко мне в полнолуние и говорит: две души в его плену, одна вдовина, другая – Велькина. Если до следующей луны не доставлю на поляну девицу, одна из них погибнет. Насовсем погибнет, без шансов.

– Можно подумать, вот так у них шансов много.

– Я так и сказал. Смотрю – Карисса стоит, как живая. Бледная, больная, плачет. Темный щелкнул пальцами, и так ей больно стало, что от визга в соседних деревнях проснулись, наверное. А затем и вовсе в пепел рассыпалась. А потом...

– А потом этот собачий сын показал тебе Вельку, – в тон леснику продолжила я. – И так тебе стало страшно, что любимая и после смерти по твоей вине страдать будет, что принял ты раз в пару месяцев выходить на большую жатву и губить невинных девиц. Угадала?

– Верно все. Приносил на полянку в назначенный срок. Я пытался темного убить. Караулил, только он никогда больше не приходил.

– А девиц кто забирал?

– Не помню.

– А волкодлаки-то в этом лесу вообще водятся? Или все твоих рук дело?

– Водятся, – после минутного раздумья подтвердил Доран. – И еще много чего водится. Но здесь их можешь не бояться. Темный меня защитил.

– Неужели?

– Ему же живые девицы нужны, а не съеденные, – пожал плечами лесник.

В избушке повисла гнетущая тишина. Дух смотрел на останки, истлевший череп таращился на меня пустыми глазами, а я смотрела в окно. Не зря говорят, что от магов лучше держаться подальше.

– Ты только не плачь, – прервал тишину дух.

– Что?

– Не плачь, говорю. Придется мне тебя тоже отвести, иначе Вельке...

– Да уж, чего только не сделаешь ради подданных, – проворчала я, позвякивая цепями. – Веди уже, разберусь и с твоим колдуном. У меня большой опыт в общении с колдунами.

* * *

Вопреки моим опасениям, света луны было достаточно, чтобы не спеша идти по узенькой тропинке. Доран пустил меня вперед, позволяя самой выбрать темп последней прогулки. Мне очень хотелось убежать, но это было затруднительно и днем, а уж ночью я даже не стала пытаться. Шишка на лбу побаливала, намекая, что бег с препятствиями – не мое.

Удивительно, но дорогу я узнала: мы шли мимо полянки, где впервые встретились. Вон тот самый красный плащ накинута на пенек, а рядом...

А рядом оживленно спорили колдун и наемница. Не веря своим глазам, я остановилась, прислушиваясь к разговору.

– Ты сказал, что у тебя все под контролем, – едко говорила Делайла, прислонившись к дереву, – и что она где-то рядом.

– Я говорю, что она все еще где-то здесь. Сказал бы точнее, если бы девчонка не сняла плащ, – огрызнулся Фэрфакс.

– Прелестно. Твои навыки просто восхищают! А ты не можешь сказать, она все еще жива и в лесу или в лесу, но в животе у волкодлака? Или твоей магии на это не хватает? Бедняжка, как же ей с тобой не повезло.

Колдун был мрачен и разъярен. На Делайлу его вид не производил никакого впечатления.

– С тобой ей повезло не меньше. С чего вообще тебе пришло в голову охотиться на волкодлака сейчас? – Он круто развернулся к наемнице, глядя почти в упор.

– Подвернулся заказ под руку...

– Не ври! – Фэрфакс схватил девушку за руку. С минуты они обменивались мрачными тяжелыми взглядами, но в конце концов Делайла сдалась.

– Мне нужен клык волкодлака.

– Купи. В Айлонисе любые кости можно купить за пару золотых, – холодно процедил колдун. – Решила сэкономить?

– Мне нужен особый клык волкодлака, – с нажимом ответила наемница, по одному разжимая пальцы Фэрфакса. – Не у тебя одного могут быть враги среди магов.

– Помимо зуба нужна еще и кровь того, кто за тобой охотится, – видимо, ответ Делайлы колдуна устроил, потому что руку он убрал и снова вернулся к разглядыванию плаща.

– О, этого в достатке. Только кость этой псины не могу достать.

– Ты просто могла бы сказать. Зачем этот спектакль. Девчонка может умереть, а это того не стоит.

Тут я не могла не согласиться. Понятия не имею, для чего нужны кости нечисти, но моя жизнь стоила, по моему мнению, однозначно дороже.

– Ты бы не стал помогать, – Делайла слегка улыбнулась. –

Я не думала, что для тебя будет проблемой заколдовать ее...

– Это и не было проблемой, пока она не сняла плащ. Я заколдовал его, а не ее.

– Ну и зря. Теперь не видать нам ни костей, ни денег.

Колдун промолчал, опустившись на пенек. В неровном мигающем свете колдовского огонька даже показалось, что он по-настоящему расстроен.

– В любом случае искать ее ночью бесполезно, – Делайла хлопнула его по плечу. – Следов нет. Поищем завтра утром.

– По-твоему, она переживет ночь в лесу?

– Она пережила два месяца в твоём плену. Додумается переночевать одну ночь на дереве, – раздраженно отмахнулась наемница. – И вообще, может, она вернулась в деревню? Проверим, а заодно и выспимся.

От возмущения я подавилась воздухом. Делайла мне и раньше не нравилась, но сейчас эта неприязнь начала перерастать в чистую и искреннюю ненависть. Я рванула вперед, но за два шага до заветной полянки меня резко отбросило назад. Лесник поймал меня, сжав плечи ледяными ладонями.

– Темный защитил, – повторил Доран, кивком головы указывая на одно из деревьев. Приглядевшись, я различила косяной амулет на ветке. – Они тебя не видят.

Сообразив, что и тогда я слышала слова, которые были обращены не ко мне, я громко закричала, пытаясь вырваться из цепкой хватки. Запала хватило минуты на полторы, а

окончательно боевой дух угас, когда наемница как ни в чем не бывало пошла прочь. Колдун еще несколько мгновений вглядывался в заросли, и я даже была готова поклясться, что он меня видит, но нет – Фэрфакс, подобрав плащ, отправился вслед за Делайлой.

– И не слышат, – тихо добавил дух. – И время тут по-другому течет. Это все темный сделал, чтобы зверье не погрызло.

– Какой же он заботливый, – смахивая слезы, процедила я. – Жду не дождусь с ним познакомиться.

Легко быть храброй, когда есть уверенность, что за плечом стоит могущественный союзник. Оставшись без этого чувства, я внезапно ощутила какую-то тошнотворную пустоту. Между тем лесник продолжил путь, натягивая цепь. Настроения сопротивляться не было, и я покорно побрела следом.

* * *

– Это точно лишнее. – Я дернула руками, пытаюсь вырвать конец цепи, который дух собирался продеть в массивное железное кольцо, вбитое в ствол дуба. – Все равно никуда не убегу.

Доран застыл, обдумывая мои слова. Воспользовавшись передышкой, я оглядела место, куда меня привел лесник. Лес здесь был реже и как будто выше. Все вокруг заливал

голубоватый свет, источником которого оказалась узкая изломанная щель в воздухе, словно кто-то надорвал пространство. По ту сторону портала (вообще я понятия не имела, как выглядят порталы, но решила, что это точно он) ничего нельзя было разглядеть. На всякий случай я сделала пару шагов, чтобы взглянуть под другим углом. Под ногами неприятно хрустнуло. Уже догадавшись, что это, я все-таки наклонилась и пошевелила рукой в ковре из сухой листвы. Так и есть: маленькая кость.

Доран наконец принял решение, быстрым движением продевая цепь в кольцо и защелкивая замок.

– И что дальше?

– Ты ждешь, я ухожу. Сбежать ты все равно не сможешь, место заколдовано, – дух указал на крону дерева, и я, задржав голову и до боли прищурившись, смогла разглядеть небольшой треугольный оберег из веток, костей, перьев и тряпиц.

– А это точно отпугнет волкодлака и прочих? – Я продемонстрировала духу свою находку. – Через сколько этот колдун появится?

Доран не ответил. Он сгорбился и помрачнел, бросая грозные взгляды вокруг. Затем, словно окончательно про меня забыв, развернулся и зашагал прочь. Чутье подсказывало, что окрикивать лесника не стоило.

Оставшись одна, я принялась осматриваться. Худшие опасения подтвердились, когда среди сухой листвы я нашла расколотый на части череп. Затем, обойдя дерево, еще один.

Прикинув длину цепи, я утвердилась во мнении, что темный маг, помимо всевозможных злодейских качеств, обладал отвратительнейшей непунктуальностью. Проще говоря, моим предшественницам не повезло умереть раньше, чем он за ними явился.

В отличие от них мои условия были лучше – по крайней мере, я была достаточно зла, чтобы сопротивляться неприглядной судьбе. Конечно, волчий вой, раздавшийся, едва Доран скрылся из виду, поубавил уверенности, но просто сидеть и ждать темного я не собиралась. Если наемница и Фэрфакс не торопились меня спасти, придется сделать это самой.

Цепь позволила подойти к portalу почти вплотную, я даже уловила дуновение затхлого теплого воздуха. Мои представления о магических порталах ограничивались красивой легендой, где принц, победив чудище, вернулся в замок к возлюбленной с помощью магической штуки из логова ящерицы.

Первым в портал отправился сухой лист. С едва уловимой вспышкой он исчез по ту сторону, затем – половина палки. Я ожидала, что неведомая сила вырвет ее из рук, но нет – я свободно махала палкой из стороны в сторону, пока не надоело. На следующий, с моей точки зрения вполне логичный, шаг духу у меня не хватило.

Обиднее всего было то, как легко Делайла отмахнулась от моей пропажи. Видать, не так много ниверийский граф

хотел за меня заплатить, раз она предпочла поискам теплую постель. К гадостям от Фэрфакса я привыкла: плохой на то и плохой, что ничего хорошего не делает.

Пожалев себя еще минутку-другую, я вспомнила про амулет. Мерзкая штукавина висела невысоко, но с меткостью у меня оказалось совсем плохо. Прикинув, что длины цепи должно хватить, я принялась карабкаться наверх. На мою удачу, никто не предполагал, что узник решит куда-то взбираться, а дерево оказалось достаточно узловатым, чтобы легко добраться до нижних веток.

Вблизи амулет выглядел еще неприятнее: несколько тонких прутиков были перевязаны лоскутом окровавленной ткани, кость, белеющая в центре треугольника, подвязана тонкими странными нитями. Приглядевшись, я с отвращением распознала в них человеческие волосы.

Симпатии к темному это не прибавило – какая магия, такой и колдун. Так, по крайней мере, говорили велчане, и с ними я была согласна. Надежда была одна: утром Фэрфакс и наемница возобновят поиски. Уж до утра я как-нибудь досижу. Хотя бы воспользуюсь советом Делайлы и скоротаю ночь на дереве. Но чтобы они смогли меня найти, надо избавиться от защиты мага. Устроившись поудобнее, я крепко взяла амулет двумя руками и переломила пополам.

Дальнейшее я осознавала очень избирательно: по лесу пронесся вихрь, и чудовищная сила швырнула меня вниз, на землю. От боли из глаз посыпались искры. Вокруг нача-

ли сгущаться клубы серого дыма вперемешку с поднятой с земли пожухлой листвой. Сквозь рев ветра отчетливо слышался дребезжащий, будто бы знакомый голос, зачитывающий слова на неизвестном языке. Половинки амулета в моих руках нагрелись и мелко задрожали.

Кое-как приподнявшись на локтях, я сделала единственное, что пришло на ум, – отбросила амулет в сияющий портал, а затем закрыла голову руками. С тихим шипением обе половинки исчезли, а вместе с ними – вихрь и сила, не дающая подняться на ноги. Сухие листья, кружась, медленно опали вниз. Внезапная тишина оглушила не хуже падения, и, едва поднявшись, я снова растянулась под деревом.

В груди сильно болело, а из разбитой губы сочилась кровь. Нечего было и думать, чтобы снова взобраться наверх. Последней мыслью перед глубоким обмороком было мрачное пожелание приятного обеда всей местной нечисти, которая точно не побрезгует моим беспомощным тельцем.

* * *

Мне снилась Велена. Она сидела за круглым столом, как обычно пыхтя длинной трубкой. Солнечный свет едва пробивался через плотные занавески, так что ярко-голубые глаза старухи почти светились в полумраке. На ней был длинный цветастый балахон, в тон ему – платок на лбу, а завершали наряд подвески из янтаря и яшмы да звенящие круг-

лые браслеты на сухих запястьях.

Голос у ведуньи был тихим, властным, но при этом монотонным и убаюкивающим. Сопротивляться ему было бесполезно, и клиенты старухи, как правило, теряли бдительность за несколько минут.

Велена не была магом, но дар у нее был. Точнее, талантов у нее было много, но особое место среди них занимал дар предвидения. А способ, которым ведунья пользовалась, и вовсе выгодно отличал ее на фоне колдунов – никаких тебе жабьих потрохов, крысиных хвостов и соков девственниц. Водить костлявыми пальцами по ладони тоже было не в ее духе. Обычно она просто смотрела на пришедшего, а затем без лишних слов начинала отвечать на незадаанные вопросы. Выглядело это эффектно. За те месяцы, что я прожила у старухи, мне удалось поглядеть десяток таких сеансов и даже стать свидетелем того, как предсказание становится явью. Но веры в магию и любви к ее адептам это не прибавило.

Во сне Велена не изменила своей привычке, только вместо мужика, которого терзают сомнения насчет жениной верности, сидела я.

– Ну и кашу же ты заварила, – выпустив струю дыма, наконец произнесла Велена.

– Все лучше, чем... – я замаялась. Обижать старуху не хотелось – ничего плохого она мне не сделала, – под боком у колдуна.

– Не зря говорят: если пророчество произнесено, оно обя-

зательно свершится, – Велена смотрела поверх меня.

– Пророчество? – переспросила я, чувствуя, как от дыма кружится голова.

– У каждого есть судьба, – старуха не обращала на меня внимания, – и как бы ты ни пыталась от нее сбежать, она тебя найдет. Тебе предсказано великое будущее, Рирариланна.

– Мне-то? – Я закатила глаза. – Когда я засыпала, я была в лесу, одна, с шишками на ребрах, кандалами на руках и прикованная цепью к дубу. Вот уж великая судьба, ничего не скажешь!

Старуха тихонько засмеялась. Ледяные голубые глаза неподвижно застыли на мне.

– Лучше бы напророчила мне возвращение домой!

– Принцесса никогда не вернется в Капитолий, – охотно откликнулась старуха. – И даже больше: когда придет время, она откажется от этого.

– Вот еще.

– Не сегодня и не завтра, но время выбора придет. А теперь тебе пора просыпаться.

– Мой сон – когда захочу тогда и проснусь, – воспоминания о холодном лесе резко контрастировали с теплом сна, и совершенно не хотелось пробуждаться, чтобы снова почувствовать боль и сырость.

Велена перегнулась и легонько потрепала меня по щеке.

– Просыпайся.

Я попыталась отшатнуться, но тело одеревенело. С боль-

шим трудом получилось поднять руку, но сил, чтобы оттолкнуть старуху, не было.

– Просыпайся, – хлопки по щеке стали тяжелей.

Я больше не могла выносить ее пронзительный взгляд и зажмурилась, а когда открыла глаза, старуха исчезла. Вместо нее передо мной на корточках сидел Фэрфакс. Комната медленно растворилась, уступив место темному лесу, подсвеченному голубоватым сиянием портала.

– Проснись, – повторил колдун, вид у него был обеспокоенный. – Рила? Скажи что-нибудь.

– Чтоб ты провалился.

Глава 5

– Мы зря теряем время! – Делайла фурией металась из угла в угол. – Она в порядке и может ехать с кем-нибудь из нас!

– Не обманывайся на ее счет, – меланхолично откликнулся колдун, сидя у меня в ногах и поедая мой завтрак, который сам же принес полчасу назад. – Разве что ты привяжешь ее к седлу. И лучше поперек.

– Да хоть так! С чего это ты такой заботливый?

Я полностью поддерживала этот вопрос. Все те два дня, что я валялась в кровати, колдун не отходил ни на шаг: менял повязки, приносил еду и просто молча сидел рядом. Начинать разговор первым он не собирался, а мне не хотелось тратить на него остатки сил: несмотря на все старания, больше их не становилось. Еще и Делайла то и дело начинала возмущаться вынужденной задержкой.

– В первую очередь я забочусь о нашей оплате. – Фэрфакс протянул руку и бесцеремонно откинул одеяло, которым я укрывалась по самый нос. – Посмотри на нее: с таким лицом только принцессу и изображать.

Я сердито зашипела, отбирая одеяло и поворачиваясь на бок. Ну подумаешь, синяк на пол-лица и шишка размером с кулак на лбу? На наемницу этот довод, кажется, подействовал. Она обошла кровать и присела на корточки.

– Нам еще пять дней пути, успеет зажить, – с сомнением протянула девушка. – Может, есть какое-нибудь маскирующее заклинание?

– Что толку, если в пути она упадет под копыта? – с набитым ртом ответил колдун. – Путешествовать в седле она не сможет еще пару дней.

– Если ты продолжишь отбирать ее еду, то она так никогда не поправится!

– Она все равно не будет. – Фэрфакс оглянулся на меня через плечо. – Или будет?

– Чтоб вы оба провалились, – сипло пробурчала я. От од-

ной мысли о еде тошнило. – Дайте поспать.

Свое спасение я помнила отрывочно: что-то очень ярко и отчетливо, что-то – смазанно, расплывчато, как будто происходило не со мной. Вот Фэрфакс изучает землю под порталом, выкапывает из-под сухой листвы круг из мелких костей и камней, хмурится, водит руками над находкой, и та начинает мерцать.

– Это портал темного, – мой собственный голос кажется чужим. – Через него дух должен был отправлять девиц...

– Откуда ты знаешь? – Колдун сосредоточен, но на меня поглядывает с любопытством.

– Дух рассказал.

– Ты разговорила неупокоенного? – Фэрфакс удивлен так сильно, что мне становится неловко. – Они, как правило, не помнят ничего, кроме своей смерти.

Мне не хочется с ним препираться. Да и зачем?

Резким движением Фэрфакс разрывает круг, и портал гаснет. Я успеваю вскинуть руки, но нет ни вспышки света, ни ураганного ветра, ни силы, которая бы придавливала и не давала дышать. Голубое свечение просто исчезает, и все вокруг погружается в полуночный мрак.

Дальше помню, что проснулась возле хижины, одна. Не успеваю испугаться – из темного дверного проема выходит очень мрачный колдун. Без слов и излишне грубо подхватывает меня на руки. Я пытаюсь спросить, что он сделал с духом, но сил хватает на сиплый неразборчивый шепот.

Более или менее в сознание я пришла уже на постоялом дворе через пару дней. Воспоминания еще более отрывочные: вот наемница переодевает меня в сухую одежду; колдун, склонившийся над кроватью; какая-то молодая девка, протягивающая ему миску с желтоватой мазью. Падение с дерева не прошло бесследно – ребро треснуло, а ночевка на холодной земле усугубила общее состояние. Если бы не колдун, утра я бы точно не застала. Но благодарить его я не собиралась. Не дождется.

– Может быть, нанять телегу? – не унималась Делайла.

– Может быть, просто подождать денек?

Наемница хмыкнула и вышла из комнаты. Мне очень хотелось, чтобы Фэрфакс последовал ее примеру, но паршивый колдун с ногами забрался на кровать, извлекая из дорожной сумки какую-то книжку.

– Сходил бы прогулялся, – из-под одеяла пробурчала я, поджимая ноги. – Никуда я не сбегу.

Мужчина бросил на меня пристальный холодный взгляд. А затем, вопреки моим ожиданиям, захлопнул книгу.

– Ты хоть помнишь, что произошло?

– План ваш провалился. Следопыты из вас так себе...

– Тебе повезло, что высвобожденная сила тебя не убила, – сухо проговорил Фэрфакс. – Когда ломаешь магические амулеты, такое часто бывает. На будущее.

– А что мне оставалось делать? – обида больно сжала горло. – Сидеть и ждать, покуда темный маг не утащит в портал?

Дух сказал, что...

– Это был не дух.

– А кто?

– Умертвие. Живой мертвец, – поправился Фэрфакс, поднимаясь с кровати. – Тебе очень повезло, что магия имеет свойство выветриваться со временем. Когда его создавали, он был более злым.

– И все колдуны этим занимаются?

– Чем? Темной магией? Нет, конечно. – Фэрфакс криво усмехнулся. – Это очень старое направление магического искусства и очень... непопулярное. Несовременное, если тебе так будет проще понять.

– Неужто не модно больше красть девиц? – съехидничала я.

–хлопотно, – пожал плечами колдун, – и затратно. Девиц надо много, содержать их где-то, кормить, развлекать, чтобы раньше времени не померли. Мне вот пары месяцев хватило, чтобы понять, что это дело неблагодарное. А если использовать их для колдовства, то это каждый день резать, проводить ритуалы... Проще уж на жабах.

Я хотела было возмутиться, но заметила легкую улыбку на его лице и лишь махнула рукой. Не хочет серьезно разговаривать – и не надо. Тем временем колдун поднял с пола миску с мазью и, понюхав содержимое, скривился. Запах был крепким, травяным, душистым. Мазать мой отбитый бок нужно было каждые четыре часа.

– Может, на этот раз выйдешь?

Фэрфакс в притворном изумлении поднял одну бровь.

– Позавчера не стеснялась, вчера не стеснялась, а сегодня вдруг стесняешься?

– А тебе только и дай повод, да?

– Было бы на что смотреть. – Колдун пожал плечами, но миску отдал, а сам отошел к двери.

Закончив размазывать мазь по боку, я повалилась обратно на подушки, с тоской глядя в потолок. Темный маг и его злодеяния меня почти не интересовали, а вот слова, сказанные Веленой во сне, не давали покоя.

– Фэрфакс, – наконец тихо позвала я, – а ты веришь в пророчества?

– Нет. – Колдун чуть нахмурился. – И тебе бы не советовал. Пророчества не всегда сбываются так, как тебе бы хотелось. А иногда вообще не сбываются. А еще иногда их неправильно толкуют. Только не говори, что тебе умертвие что-то напорочило. – Мужчина усмехнулся.

– Приснилось... всякое. А что теперь с Дораном будет? Нельзя же его так оставлять.

– Ничего, – после минутного молчания ответил Фэрфакс. – Ты не помнишь?

Стоило колдуну спросить, как образы тут же всплыли перед глазами: холодный лес, треск горящих бревен, жар от огня на моем лице.

– Честно говоря, был удивлен твоей просьбой, – голос кол-

дуна снова стал сухим и жестким. Таким он становился всегда, когда собирался сказать какую-нибудь гадость. — Обычно подобным тебе нет дела до несчастных.

— Это каким — мне подобным?

— Избалованным аристократкам.

Я лишь скривилась. Сдается мне, однажды Фэрфакс пересекся с высшим обществом Капитолия, и оно его использовало, пережевало и выплюнуло за ненадобностью.

— Сам не лучше.

— Это почему?

Отвечать я не стала, повернувшись на здоровый бок и сделав вид, что сплю.

* * *

Ближе к вечеру я наконец-то осталась одна: Делайла решительно заявила, что ей надоело прозябать в моем обществе и она намерена прогуляться. К моему большому удовольствию, Фэрфакс решил составить наемнице компанию, напоследок велел из комнаты не выходить.

Вначале я даже собиралась придерживаться его совета — бок все еще побаливал, но на исходе часа с ужасом поняла, что сидеть в одиночестве еще хуже. Кое-как одевшись, я спустилась вниз и примостилась в углу общей залы. Какое-то время я прислушивалась к пению заезжего барда, но стоило ему затянуть песню о вечной любви, как решительно вышла

на улицу.

Перед глазами стояли Велькины останки: желтоватый череп да сухие кости. Воображение живо рисовало вереницу похищенных Дораном девиц, которых темный маг (в моем представлении сгорбленный старикашка) со злодейским смехом вталкивал в мерцающий портал. Нехорошая выходила история, несчастливая.

Предаваясь мрачным мыслям, я сама не заметила, как добрела до окраины деревни. Минут десять постояла возле разрушенного дома местного колдуна, еще полчаса потратила на созерцание темного леса и с ужасающей тоской поняла, что делать мне просто нечего, а желание строить план побега иссякло вместе с запасом здоровья.

От пепелища я побрела куда глаза глядят: деревня была крохотной, так что все дороги вели на постоянный двор. Возле него же я и замешкалась, услышав какой-то подозрительный шум из переулка. По-хорошему надо было развернуться и пойти в другую сторону. Пора бы уже усвоить, что добрые дела в темных закутках не делаются. Но я осталась, словно приросла к углу.

В моем представлении целуются люди по-другому: спокойно, нежно и трепетно обнимая друг друга, застыв и наслаждаясь каждым мгновением близости. Поцелуй этой парочки больше походил на сражение: Фэрфакс грубо прижимал Делайлу к стене, а девушка крепко цеплялась за его волосы, закинув одну ногу на бедро мужчины. Было в этом дей-

ствии слишком много возни: руки колдуна блуждали по телу наемницы, а сама Делайла шумно дышала и так и норовила забраться Фэрфаксу под рубашку. Или в карман куртки. Я пригляделась: так и есть, одна рука наемницы находилась где-то в районе колдунского живота, а вот вторая совершенно точно что-то деловито искала в правом кармане. Любопытство победило, и я уже собралась высунуться из-за угла сильнее, как возле моего уха раздался мелодичный женский шепот. Одновременно с этим мне легонько зажали рот и потянули назад.

– Я в твоём возрасте тоже подглядывала, – добродушно ухмыльнулась мне незнакомка, – и дам совет: не лезь под руку. Там, где двое, третьему не место.

– Я не подглядываю, – наверное, на моих щеках можно было готовить обед – такого жаркого стыда я ещё никогда не испытывала. – Я слежу!

– Немногим лучше.

– Это мои... спутники.

– Так дай им побыть одним. Пойдем, – женщина требовательно потянула меня за руку, и я, испугавшись, что колдун или наемница в любой момент обернутся на шум, послушно пошла следом. – Видок у тебя тот ещё. Что с тобой случилось?

– Споткнулась, – сквозь зубы ответила я, оглядывая незваную провожатую. Молодая, сильная, светловолосая. Лицо симпатичное, в веснушках. Женщина была одета по-поход-

ному, но без оружия. Впечатление производила миролюбивое и на меня смотрела с искренним весельем.

– Это мы быстро поправим, – незнакомка довела меня до большой крытой повозки и жестом пригласила сесть на бочку у колеса, – хотя бы на время. Все лучше, чем за парочками подглядывать, правда?

– Я не подглядывала, – оправдания мои спутница проигнорировала, откинув покрывало и скрывшись внутри.

– А следить – это, по-твоему, не подглядывать?

– Нет, – защищалась я. – Совсем другое.

– Ну да, ну да. Звать-то тебя как?

– Рила.

– Вот что, Рила, – женщина посмотрела на меня сверху вниз, держа в руках крохотный холщовый мешок, – следить и подглядывать – одно и то же. И за это можно получить синяк под второй глаз.

– Это я в лесу споткнулась, – по не остывшим щекам снова разлилась краска. – Это... Больно надо мне подглядывать. Чего я там не видела!

Женщина не удержалась и прыснула в кулак.

– Лет тебе сколько, Рила?

– Семнадцать, – несколько покривила я душой и тут же перешла в наступление. – А ты еще кто?

– Кора, – женщина пожала плечами, спрыгнула на землю и принялась копать в мешочке. – Я рассказчик. Путешествую вместе с трупой. Слышала, как бард пел в таверне?

Это я написала. А здесь ищу интересные истории, для выступления. Прогуливаюсь я, значит, после сытного ужина и вижу, как маленькая девочка очень неумело подглядывает за колоритной, еще в таверне мне приглянувшейся парочкой. Стало любопытно. Ну-ка, закрой глаз.

Едва я прикрыла веки, как на лицо опустилась влажная мягкая губка. Кора аккуратно протерла кожу под синяком, цокая и укоризненно покачивая головой.

– Досталось же тебе.

– У меня еще и бока отбиты. – Я развела руками. – Такое бывает, когда падаешь с дерева.

– А зачем ты туда забралась?

– Спасалась от темного колдуна, – мой лаконичный ответ привел Кору в неописуемый восторг: темные глаза заблестели сильнее, а от нетерпения рассказчица закусил губу.

– Давай меняться. Ты мне историю, а я уберу это безобразие? Никакой магии, только старые добрые целительские штучки.

Никто не запрещал мне рассказывать о том, что случилось в лесу. Упустив несущественные детали, а именно мое непосредственное похищение, я в полных подробностях рассказала и о противной парочке, и о Доране, и о темном колдуне.

Свою часть уговора новая знакомая выполнила на совесть: сначала протерла лицо какой-то настойкой, затем из того же мешочка извлекла несколько почти плоских жестяных баночек.

– А ты очень храбрая, – размазывая по моему лицу приятно пахнувший цветами крем, заметила Кора. – Перейти дорогу темному магу не каждая может решиться.

– Ты о чем? Я ничего не сделала, портал-то закрыл колдун, – от слов рассказчицы неприятно похолодело между лопаток. – Вот пусть между собой и разбираются.

– Ох, ничего ты об этом мире не знаешь, да? В балладах как обычно бывает: столкнулась с темным – не отделаешься.

Я бы ее поправила: от любого мага отделаться было сложно, не только от темного. Взять того же Фэрфакса: казалось бы, мои зловключения должны были закончиться в Острогах, но нет, опять он появился. Еще и с подружкой своей ненаглядной. Вот бы они так увлеклись собой, что про меня бы забыли!

– Как, говоришь, зовут твоих спутников?

– Ее – Делайла. Колдуна – Фэрфакс.

– Любопытно.

– Чем?

– У наемницы ты знаешь только имя, а у колдуна – только фамилию.

– Как представились, так и величаю, – пожала я плечами.

– И как же такая девица попала в подобную компанию? – Кора закончила с моим лицом и неожиданно взяла за руку. С полминуты рассказчица зачем-то рассматривала мои пальцы, но, видимо, не найдя в них ничего интересного, отпустила.

– Не повезло, – рассказывать свои злоключения первой встречной как-то не хотелось – слишком яркими были воспоминания о велчанской реакции.

– Это как посмотреть...

– Как ни смотри, ничего хорошего в этом нет. Или, хочешь сказать, не все колдуны такие гады?

– Все, – со вздохом кивнула Кора.

Магия в Ниверии не была редкостью. Каждый десятый житель обладал минимальными способностями к восприятию волшебства, но овладеть искусством было под силу единицам. Для этого в Айлонисе даже существовала специальная Академия, куда раньше богатые родители со всего света отправляли отпрысков, желая получить личного мага. Практика эта довольно быстро сошла на нет: новоиспеченные студенты, хлебнув свободного духа Ниверии, на родину возвращаться отказывались.

Были и самоучки – те, кто смог заучить одно-два заклинания и тайком использовали их, стараясь не попадаться Ковену на глаза. Были и древние магические роды, соревнующиеся между собой за влияние. Были темные – те, кто достигал своих целей любой ценой. От последних двух всегда стоило ждать лишь неприятностей.

– Ну, хватит о грустном, посмотри-ка.

Рассказчица протянула небольшое зеркальце. От моих недавних приключений осталась разве что неестественная бледность. Я зачарованно смотрела, как порез на щеке исче-

зает прямо на глазах.

– В основе вереск, немного лилий и – щепотка магии, чтобы все это работало. Незаменимая вещь для артиста, – подмигнула Кора. – Не всегда выступления выходят удачными. Как и путешествия с колдунами, правда? Как тебе такая сделка: рассказываешь, как ты в их компанию попала, а я отдам тебе крем. Поверь, знаю я колдунов, она тебе еще пригодится.

– Ты мне неверишь, – нехотя проворчала я. – Никто мне не верит.

– А ты попробуй. В конце концов, что ты теряешь?

В худшем случае мне просто в очередной раз не поверят. А в лучшем?

– Ладно, – неохотно начала я, но меня прервал крик откуда-то из-за повозки.

– Кора, пора!

Женщина чертыхнулась.

– Останешься на представление? После еще потолкуем.

Спешить было некуда, поэтому я кивнула. За повозкой уже возвели невысокий помост и расставили десяток длинных скамеек. Мне приглянулась самая первая, и, усевшись перед сценой и ожидая начала, я мысленно попыталась собрать все свои приключения в одно целое.

Представление, длившееся без малого час, мне нравилось ровно до той минуты, пока на сцене не появилась кукла, олицетворяющая принцессу Рирариланну Каннингемскую: карикатурно толстую, с чересчур рыжими космами, в откровенно вульгарном платье. Голос был под стать – писклявый, визгливый и истеричный. Словом, в представлении Кору принцесса, то бишь я, была именно такой.

История, если верить актерам, была совершенно правдивой: молодой король Лоренц разоблачал заговор против себя, попутно выясняя, что всему виной противная сестра-бастард, возжелавшая занять трон. По пути ему пришлось спасти красавицу, убить чудовище, завоевать любовь крестьян, а под конец – собственноручно помиловать сестрицу и отправить в ссылку за Зеленое море.

Зрители аплодировали, куклы кланялись, а я сидела мрачнее тучи, не веря своим ушам. Вот, значит, как все в итоге обернулось!

– Не так все было! – Я сжала кулаки, едва Кора выбралась из-за занавеса.

– А ты откуда знаешь? – прищурилась женщина.

– Не сбегала принцесса. Не была в заговоре! – голос предательски дрогнул.

– О чем в столице говорят, то и рассказываю, – пожала

плечами Кора, высыпая из деревянной кружки монетки. – Хоть на один золотой наскребли?

– Здесь полтора, – окинув взглядом россыпь серебра и меди, рывкнула я, желая завладеть вниманием рассказчицы. – Принцессу похитили! Прямо из летнего дворца. И держали в плену! А после выкинули, как... – от обиды сдавило горло. В общем-то, в моей истории не было ничего захватывающего. – Как ненужную вещь.

– С бастардами так обычно и поступают. Особенно когда речь заходит о престолонаследии, – женщина нахмурилась, разглядывая мое побелевшее от гнева лицо. – Или ты считаешь иначе? Ну, так что там у тебя за история?

– Нет у меня никакой истории! – общаться с Корой резко расхотелось, и я собралась уходить. – Вот еще, что-то тебе рассказывать, чтобы потом все переврали и по всему свету пустили...

Я не успела охнуть, как ее цепкие пальцы вцепились в мое запястье.

– Сдается мне, не все так просто с тобой, – начала было рассказчица, но умолкла на полуслове, глядя куда-то за мою спину.

– Вот ты где, – чья-то ладонь опустилась мне на плечо, и я едва не взвыла от ужаса: тон Фэрфакса не сулил ничего хорошего. – Я же велел из комнаты не выходить.

– А, ты и есть «колдун», – Кора нетерпеливо облизнула губы. Фэрфакс нахмурился. Такое обращение он терпел толь-

ко от меня и всем своим видом показывал, что другим стоит выбрать слово поуважительнее. – Колдун, который закрыл портал темного?

– Предположим, – его пальцы сильно сжали мое плечо. – Отпусти ее.

– Не расскажешь подробнее?

– Нет.

Грубый ответ Кору не смутил. Уперев руки в бока, рассказчица перегородила ему путь.

– Темный. Как его звали?

– Понятия не имею. Идем. – Фэрфакс не очень аккуратно подтолкнул меня вперед. Ребро тут же напомнило о себе. Я с мольбой взглянула на женщину, и та безошибочно поняла мое настроение.

– Слушай, колдун, – Кора не двинулась с места, – что хочешь за девчонку?

– Что, прости? – холодно переспросил мужчина.

– Трупца давно помощника ищет, а тебе, я смотрю, в тягость с подростком возиться. Дела любовные, все мы понимаем. Так сколько хочешь, чтобы я прямо сейчас эту обузу у тебя с рук забрала?

У меня перехватило дыхание: нарастающий гнев Фэрфакса я безошибочно ощущала каким-то особым чутьем.

– А давай-ка ее спросим. Рила, хочешь в караван к бродягам? К лгунам, вора и разбойникам, которые в перерывах между делом дают второсортные выступления, покупают и

продают людей. Хочешь? – едко прошипел он мне в ухо. Все еще цепenea от ужаса, я мотнула головой, что можно было одновременно расценить и как «да», и как «нет».

– А ты нас хорошо знаешь. Не припомню, чтобы мы тебя грабили, – Кора примирительно подняла руки, высоко вскидывая брови в притворном недоумении. – Каждый выживает как может. Так как тебе мое предложение?

– Вот тебе встречное, – мрачно процедил колдун. – Если после того, как я досчитаю до трех, ты все еще будешь стоять у меня на пути, я превращу тебя и всю твою шайку в слепых сов. Раз...

– Почему в сов?

– Два.

– Ну, бывай, Рилка, – женщина отступила в сторону. – Увидимся еще. А ты, – она погрозила колдуну пальцем, – о себе еще услышишь.

– Не сомневаюсь. Пойдем.

Я беспомощно оглянулась на Кору, но та уже отвернулась к помосту, собирая монеты в карман. До постоянного двора добрались быстро. В гробовом молчании поднялись наверх, и Фэрфакс грубо втолкнул меня в темную холодную комнату.

– Чем она тебя подкупила? – неожиданно нарушил тишину колдун.

– Добротой, – огрызнулась я. – Пожалела и синяки вылечила.

Колдун наклонился, подцепил меня за подбородок, заставив поднять голову. Несколько мгновений разглядывал мое лицо, а затем наклонился, едва не прижавшись к щеке.

– Вересковая настойка с лилиями. – Он шумно потянул носом воздух. – В следующий раз, когда кто-то предложит тебе что-то магическое, откажись.

– Почему? – шепотом спросила я. Даже не знаю, что пугало больше: предостережение колдуна, его тон или то, что он все еще стоял так близко, принюхиваясь к моей коже.

– Потому что плохих людей в мире больше, чем хороших. Неужели за пределами дворца ни разу не упоминали о разбойниках на дорогах? – Колдун усмехнулся, видя мою реакцию и, наконец, отошел. Он щелкнул пальцами, и свеча на окне вспыхнула оранжевым огоньком. Я, не скрывая облегчение, выдохнула.

– То, что они говорили про Лоренца...

– Нашла, кого слушать, – бросил колдун. – Мастера перевернуть все что только можно.

– Но ведь...

– Правда, как правило, не очень приглядная и для красивых песен не годится. Вот взять, например, тебя. – Фэрфакс уселся в кресло, со смешком оглядывая мою фигуру, сгорбившуюся под его взглядом. – Обычно во всяких балладах отрицательные персонажи похищают прекрасных принцесс, влюбляются в них, а потом живут долго и счастливо. А в реальности все вот как получается: похищает тебя колдун по

заказу, денег не получает и ищет, куда бы тебя теперь деть, чтобы совесть не мучила.

– Совесть? – вскинулась я. – У тебя-то?

– И чем там все должно заканчиваться? Либо бравым рыцарем-спасителем, либо любовью до гроба. А знаешь, чем твоя история закончится? – холодно спросил Фэрфакс. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Закончится она тем, что ты, ведомая своей глупостью и доверчивостью, останешься в этом большом и злом мире одна. И никто тебя не спасет.

– А можно перейти к той части, где вы двое уже исчезли из моей жизни, и я могу ей сама распоряжаться? Без вас двоих сохранней буду! – Я со злостью бросилась на кровать и взвыла – ушибы тут же напомнили о себе.

– Продолжай в том же духе, – колдун подобрал упавшую книгу, наклонился и сунул мне в руки мазь, – и все закончится еще быстрее.

Глава 6

Весь оставшийся путь до Ниверии можно было бы описать в двух словах: скучно и тихо. Днем мы ехали по тракту, а ночевать останавливались в ближайшем леске. Несмотря на все мои синяки, шишки и даже не до конца зажившее ребро, от дежурств меня не освободили. Наоборот – готова поклясться – Фэрфакс с особым наслаждением будил меня в четыре утра.

На пятый день пути мы прибились к большому торгово-

му каравану, и необходимость нести караул, по крайней мере мне, пропала. А еще спустя несколько дней мы оказались во владениях Хёрста. О графе мне так ничего и не рассказали, старательно игнорируя все мои попытки задавать вопросы. Разве что удалось подслушать, что граф молод и, по ниверийским меркам, знаменит. Чем именно – я не узнала, но воображению многого не надо: некий Гектор Хёрст уже представлялся мне в самом лучшем свете. Как минимум он бы раз и навсегда избавил меня от общества этой парочки.

К своему стыду, о Ниверии я знала очень мало. Помнила, что страна была огромной: на севере и востоке она граничила с мрачным объединенным королевством Стратхейм, на западе – с Катергеймом, на юге – с пустынными землями. Династия короля Ульриха заняла трон всего полвека назад, и не обошлось без помощи Ковена магов. Была не то война, не то восстание, а может быть и вовсе заговор, хоть пытай меня – не вспомню, в чем там было дело. С Ниверией у нас был столетний мир, и половина срока минула как без проблем, так и без особых успехов – между королевствами сохранялся холодный, граничащий с равнодушием нейтралитет. Да и если говорить честно, завоевывать нас им было незачем: выгода сомнительная, а хлопот во сто крат больше.

Айлонис – столица Ниверии – по единодушному мнению всех спутников, была признана самым красивым, необычным и опасным городом, в котором мне, может быть, когда-нибудь посчастливится побывать. По словам торговцев,

на его рынках можно было найти и продать все, что угодно. Ищешь магические амулеты – тебе в Айлонис. Нужно приворотное зелье – в лавку алхимика, третий ряд от входа. Хочешь навести порчу? Ну, ты знаешь, что делать. Главное – запастись монетами. А еще в Ниверии водились драконы. Ни за что не поверила бы, если бы колдун с самым серьезным видом это не подтвердил.

Но всему хорошему приходит конец: в полдень восьмого дня мы разминулись с обозом и свернули с широкого тракта на узкую дорогу. Колдун и наемница в очередной раз успели поругаться, поэтому следующие пять часов пути прошли в тишине.

Не сказать, что мне нравилось наблюдать за их отношениями – выбора-то особо не было. Но хоть какое-то развлечение. Мистическим образом они находили повод поспорить на ровном месте: то костер не так горит, то лошади слишком медленные, то колдун не так нос почешет, то наемница не в те кусты пойдет. И так далее, и тому подобное, и еще десятков причин.

К вечеру, когда мы выехали к огромному трехэтажному поместью, я была готова отдать все на свете, лишь бы сбежать от этого тягостного молчания.

Нас проводили в кухню, на все вопросы Делайлы лишь неопределенно пожимали плечами. Ждать пришлось долго, но в конце концов появился хмурый старый слуга и жестом позвал нас за собой.

– Держи язык за зубами, лишний раз лучше молчи, – поучала наемница перед высокими резными дверьми. – Веди себя... ну, как принцесса, ты же умеешь.

– А не то что?

– Лучше тебе не знать, – мрачно проговорила она и толкнула створки.

За длинным столом сидели трое: невзрачный мужчина, пожилая женщина, увешанная драгоценностями, и юноша лет двадцати пяти.

– Посередине – граф, справа – его бабка, слева – дядя, – словно невзначай шепнул Фэрфакс.

Мое воображение можно было похвалить: Хёрст действительно оказался высок, статен и вполне миловиден. Не предвидела я только чересчур надменного выражения лица.

– Ты опоздала!

– Нас задержали, – Делайла виновато склонила голову. – Но мы здесь.

– А это?

– Рирариланна Каннингемская, дочь Уильяма Каннингемского, – наемница жестом пригласила меня сделать шаг вперед.

Граф смотрел на меня недоверчиво, чуть прищурившись, словно оценивая. Так на королевских особ не смотрят. Особенно после того, как их час продержали на пороге!

– Мы в дороге полторы недели, путь был очень опасен, – словно почувствовав, что я не собираюсь молчать, быстро

начала наемница. — Стараясь как можно скорее доставить принцессу под ваше крыло, мы пренебрегли некоторыми обычаями и правилами...

— Не похожа она на принцессу, — слишком громким шепотом заявила бабка рядом с графом. — Была я в Катергейме два года назад, три таких девицы бы в ту принцесску поместились!

Делайла метнула на меня возмущенный взгляд, но что я тут могла поделать? Без всех пышных юбок любая принцесса будет выглядеть на пару размеров меньше, а уж про голодную диету в плену колдуна и вовсе говорить не приходилось.

— И волосы почему не рыжие? — не унималась женщина, едва ли не привстав с места. — Как бы эта девка не развела тебя...

— Госпожа, — Делайла едва ли не задохнулась от возмущения.

Фэрфакс очень громко прочистил горло. Деловито, устрашающе.

— С каких это пор моего слова стало недостаточно, Севилла? — вкрадчиво спросил колдун, и старуха умолкла. — Но даже если и так — к чему весь этот цирк? Пригласим приора Ковена?

Кто такой «приор ковена» я, в отличие от старухи, не знала, а потому слова Фэрфакса не вызвали у меня никакой особой реакции. Чего нельзя было сказать об остальных в зале. Графская семья застыла, словно громом пораженная. Наем-

ница за моей спиной сдавленно выдохнула.

– Неофициально, конечно, – с ехидной усмешкой добавил колдун.

– И за ваш счет, – тут же откликнулась Делайла.

Молчание затягивалось.

– Прошу простить манеры моих спутников. – Я решительно шагнула вперед, расправляя плечи и откидывая растрепанные косы за плечи. – Милорд, позвольте мне сердечно поблагодарить вас за проявленную доброту, гостеприимство и вызволение из плена. Всех слов мира не хватит, чтобы описать мою радость находиться здесь. Ваш поступок свидетельствует об истинном благородстве, и я уверяю вас, моя семья не оставит это без должного вознаграждения...

– Это точно, – как-то нехорошо ухмыльнулся граф, перебивая меня. – Уже поздно, проводите-ка принцессу в ее комнату. А вы двое оставайтесь.

Очень хотелось послушать, о чем они будут говорить, но полная служанка настойчиво взяла меня под руку и вывела из зала. Последнее, что удалось расслышать, был голос старухи:

– Говорит складно, но и крестьянскую девку за полгода можно обучить читать.

* * *

Графское поместье было огромным и старым, а кое-где

откровенно обветшалым и мрачным. Стены украшали пыльные гобелены и большие, не очень искусные портреты. Разглядывать их не хотелось: неизвестный художник явно предпочитал уделять больше внимания раме, чем полотну.

Положа руку на сердце, следовало признаться: имение находилось не в лучшем состоянии. Остатки былой роскоши – высокие окна, паркетный гладкий пол, изысканные светильники – сохранились, но было видно, что это скорее заслуга прежних владельцев, нежели новых. Обитатели, попадавшие на пути, не производили впечатление довольных жизнью.

Моя спальня на третьем этаже оказалась маленькой и скромно обставленной комнатой: окно, камин с полкой, на полу – мягкая пушистая шкура неизвестного животного. А вот кровать порадовала – мягкая и чистая. Даже ночную рубашку выделили!

Едва служанка вышла за порог, я переоделась и нырнула под почти невесомое одеяло. Измученное дорогой тело тут же растворилось в тепле, а сознание поплыло в полудреме. Стоило загасить свечи, но вылезать не хотелось.

Не успела я задремать, как в комнату без стука вошла хмурая женщина с корзинкой в руке.

– Вот туда встаньте, – грубо то ли попросила, то ли приказала она, указывая на высокий табурет. Препираться не хотелось, поэтому пришлось вылезти из кровати и, придерживая сваливающуюся с плеч ночную рубашку, покорно взгромоздиться на возвышение. Женщина оказалась портнихой.

– Уж извините, что прямо ночью, но мы немного другого ожидали, – бормотала она, обвивая мою талию куском тесьмы. – Наряд вот уже сшили.

– Какой? – спросила я больше из вежливости, стараясь не заснуть прямо на табурете.

– Какой-какой, свадебный, конечно, – сварливо откликнулась портниха.

– Чей?

– Ваш.

– Зачем? – вполне искренне удивилась я. Выходить замуж в ближайшее время я не планировала, да и не за кого было. В Капитолий бы вернуться для начала.

Портниха посмотрела на меня как на сумасшедшую, и тут до меня дошло: колдун меня не просто продал. Не сказать, что я сильно удивилась – любую гадость от него я уже воспринимала как должное, но способ, который он выбрал, был обидным и даже оскорбительным. Сон как рукой сняло.

– Не припомню, чтобы мне предложение делали, – едва сдерживая холодную ярость, прошипела я.

Женщина тут же поклонилась и продолжила измерять мою фигуру. Мало ли, что гневающейся принцессе, до глубины души оскорбленной, может в голову взбрести? Лучше промолчать, быстрее закончить работу и скрыться с глаз.

– Твои вещи, – в комнату вошел колдун, небрежно кидая мешок на кровать. – О, да вы времени не теряете.

– Это правда? – Я резко оттолкнула портниху, и та, без-

ошибочно почуяв надвигающийся скандал, ужом проскользнула мимо мужчины и скрылась за дверью.

– Правда – что?

– Ты меня сюда притащил, чтобы... чтобы выдать замуж?!

За первого встречного?

– А ты чего ожидала? – Фэрфакс устало привалился к двери. – Он лучший в твоём случае вариант.

– Я не хочу! Не буду! Ты не заставишь! – гневно выплюнула я. – Да лучше умереть!

– Попробуй немного подумать. – Колдун поморщился. – Хёрст достаточно знатен и молод...

– Лучше бы ты оставил меня в Острогах!

– Вас, чертовых дворян, не понять, – раздраженно прошипел Фэрфакс, – проспись и посмотри на все с ясной головой утром... А ну брось это!

В общем-то, я и так собиралась бросить тяжелый подсвечник в колдуна. Следом полетели высокий хрустальный бокал, зеркальце, шкатулка и объемная книга. От последней мужчина не увернулся, охнул и прижал руку к носу. Как назло, мало-мальски крупных вещей на полке не осталось, и пока я пыталась сообразить, чем бы еще запустить в мерзкого мага, тот юркнул в коридор.

– Вернись, трус!

– Завтра утром, – нахально ответили мне из-за двери.

Еще с полминуты я колотила кулаками по дереву, а когда выдохлась, сползла на холодный пол. Каким-то шестым чув-

ством я знала, что колдун не ушел, стоял возле двери, прислушиваясь к моим всхлипам. И наверняка ухмылялся.

— Я тебя ненавижу, — прошептала я сквозь слезы, протяжно хлюпая носом. — Лучше бы меня дракон похитил. Или темный маг в лесу. Или разбойники в Острогах удавили. Все лучше, чем ты.

Ответа я так и не дождалась, сначала заклевав носом, а потом и вовсе провалившись в сон-обморок.

* * *

Очнулась я глубокой ночью. Подскочила на полу, как ужаленная, с трудом соображая, где я. Огонь в камине давно потух, но яркая луна давала достаточно света. Кое-как поднявшись на ноги, я прошла по комнате, приводя мысли в порядок.

Не то чтобы я была ярой противницей замужества как такового — в конце концов, история любой порядочной принцессы заканчивается свадьбой. В моем случае вообще такое событие могло считаться большой удачей. Кому бастард-то нужен?

С идеей выйти замуж по большой и светлой любви тоже пришлось давно распрощаться — как правило, у дворянских девушек такой привилегии не было. За кого сосватали, за того и пойдешь, состояние само себя не приумножит. Но вот становиться женой первого встречного мне определенно не

позволяла хоть какая-то, но гордость.

– Лучший в моем случае вариант? – шепотом передразнила я колдуна, с досадой дергая дверную ручку. – Как же!

Дверь оказалась не заперта, а коридор – пуст. Не веря удаче, я зажгла свечу, выскользнула из комнаты и, прижимаясь к холодной стене, на цыпочках добралась до поворота, замирая от шорохов и скрипов. А звуков в древнем доме было немало: что-то шелестело и трещало из каждого угла, через высокие узкие окна деревья отбрасывали причудливые изломанные тени, по ногам тянул сквозняк.

В нерешительности я остановилась перед крутой лестницей вниз – мне показалось, что через пролет мелькнуло что-то белое. Воображение тут же дорисовало все остальное: кандалы, серый саван, ледящее душу завывание.

– Худшее, что может сделать мне привидение, это добавить седых волос, – громким шепотом проговорила я, пытаюсь подбодрить себя и унять дрожащие коленки. – А вообще привидений в таких домах не бывает...

– Еще как бывает, – раздалось над ухом. – И здесь их полно.

Я дернулась, обернулась, но, вопреки ожиданиям, колдуна рядом не оказалось, хотя голос определенно принадлежал ему.

– Куда-то собралась? – вкрадчиво раздалось в голове.

– Тебя не спросила, – огрызаться, когда Фэрфакса не было непосредственно рядом, оказалось гораздо проще.

– Ты же не думаешь сбежать в таком виде?

Я об этом как-то и не думала, пока колдун вслух не произнес. А правда, почему бы не сбежать? В моем понимании похищение, пусть и совершенное в другой стране, оставалось преступлением. А значит, местный король прямо-таки обязан будет мне помочь. Всего-то и делов – добраться до столицы, а там я уже что-нибудь придумаю.

– Иди обратно, – не унимался голос. – Не надо ночью бродить по незнакомым местам.

– Я не боюсь привидений. – Я вздернула подбородок, с презрением оглядываясь и размашисто проводя свечой вокруг.

– Живых надо бояться, не мертвых.

– Поэтому ты трусишь показаться мне на глаза? Или думаешь, не смогу тебе еще врезать?

– Мне и одного раза хватило. – Колдун, выступив из тени, поймал меня за руку, забрал свечу и поднял ее выше, чтобы пятно света выхватило его припухший нос. – В следующий раз получишь сдачи. Так куда ты собралась?

– Ночной променад – любимое занятие принцесс. Не знал? – Я вырвалась из его хватки, отступая от лестницы. – И вообще, почему ты еще здесь? Денег не заплатили?

– Не заплатили, – неожиданно согласился колдун, оттесняя меня обратно в коридор. – Говорят, не похожа ты на королевскую особу.

– Да неужели? – злорадно усмехнулась я, пятясь. – И что

будешь делать? Как будешь доказывать? А если я завтра при всех скажу, что вы двое – обманщики, и никакая я не принцесса?

– Тогда я тебе не завидую.

– Мне? Это почему?

– Потому что мы-то с Делайлой отобьемся, – колдун стремительно наступал, и через несколько мгновений я уперлась спиной в дверь, – а вот тебя просто прикопают в саду. За ненадобностью. Ты же самозванка – что с тебя взять? – Фэрфакс втолкнул меня в комнату.

– Это нечестно! И несправедливо! И неправильно!

– Честно? – Фэрфакс замер на пороге, смотря на меня с таким удивлением, что стало даже как-то стыдно. – О чем ты?

– Я не вещь, – ногти больно впились в ладони, – нельзя людей продавать. Что я такого сделала? Чем заслужила?

Фэрфакс застыл в дверном проеме, не мигая уставившись на меня, словно впервые увидел. Выражение его лица мне совершенно не понравилось.

– Иногда всякие нехорошие вещи просто случаются, – наконец выговорил колдун. – И ты можешь быть ни в чем не виновата, но это случилось и с этим надо... как-то жить. Приспособливаться. Справляться. Это, – он обвел рукой комнату, – лучший для тебя вариант. По крайней мере, он сможет тебя защитить.

– От кого?

Но колдун буквально сбежал от ответа, захлопнув дверь и повернув ключ.

Глава 7

– С таким-то носом тебя ни одна принцесса не полюбит, – дразню Лоренца, предусмотрительно отбежав на противоположный конец длинного обеденного стола, размахивая исписанным и изрядно помятым письмом.

– Отдай немедленно! – Брат вбегает в темный зал следом, раскрасневшийся, с перепачканными в чернилах руками.

– Всем расскажу, что принц втрескался в Карлин, – подначиваю его, победно размахивая листом с недописанным

любовным сонетом, который я бесцеремонно вырвала практически из-под пера. – Только если не отдашь мне ту книжку.

– Тебе нельзя.

– Можно!

– Девочкам нельзя читать такие вещи. – Лоренц в два прыжка добирается до меня и пытается отобрать свое творение, но я стремительно подныриваю под стол.

– Ха! Вырасту, стану королевой и отменю это дурацкое правило! Вообще все эти правила отменю!

Лоренц пытается возразить, но вдруг умолкает, глядя на кого-то позади меня.

– Не все принцессы становятся королевами, – голос у королевы Витории сухой, чопорный, совершенно неласковый. Веселье как-то сразу испаряется, и мы виновато опускаем головы. Брат украдкой, не больно щиплет меня за локоть и забирает листок. – Лоренц, останься, есть новости. Рирарианна... – Витория переводит на меня суровый взгляд. – Иди погуляй в саду.

– Но там же темно! – робко возражаю.

– Значит, погуляй в своей спальне, – резким, не допускающим пререканий, тоном бросает королева.

– Я потом все тебе расскажу, – шепчет брат на ухо и подталкивает к выходу.

Тяжелые двери закрываются прямо перед моим носом, и еще с минуту я гневно рассматриваю витиеватый узор на

них. Меня подмывает прижаться ухом к замочной скважине, но я знаю, что ничего не услышу, а если меня поймают, то очень сурово накажут.

— Когда вырасту, — досадливо сжимаю кулаки, — запрещу плохим женщинам становиться королевами.

— Очень мудрое решение, — старый звездочет улыбается мне, почтительно замирая в нескольких шагах. — Вот только иногда и хорошие люди должны поступать плохо.

— Зачем? Зачем хорошему поступать плохо? — Я тут же теряю интерес к секретным разговорам между Лоренцем и Виторией. Магистр Бафшиан последнее время редко спускается из своего флигеля, но каждый раз обязательно рассказывает какую-нибудь любопытную историю.

— Чтобы, например, кого-нибудь защитить. — Старик смахивает слезу с моей щеки. — Разве взрослым принцессам пристало плакать?

— Я не взрослая. — Рукавом кафтана вытираю мокрые глаза. — Мне шесть.

— Это как посмотреть. Не проводишь дряхлого старика на кухню? Я позабыл, где она...

— Как можно помнить все звезды на небе, но забыть путь на кухню? — смеюсь, беря Бафшиана за руку, и уверенно, едва ли не вприпрыжку бегу по коридору.

— Надеюсь, в старости тебе не придется искать ответ на этот вопрос.

Остаток ночи я скоротала, пролистывая толстенную книгу «Краткая история Ниверии. Том III». Предыдущих частей в комнате не оказалось, поэтому я приготовилась с головой нырять в водоворот незнакомых имен и дворцовых интриг. К моему разочарованию, описание политической жизни Ниверии закончилось в предыдущем томе, а эту часть неизвестный автор посвятил всевозможной магической нечисти, которая когда-либо жила на территории страны, и тем гадостям, которые эта нечисть чинила королю и Ковену магов. Третью занимали упыри, лешие, злые духи, драконы и даже дриады – да кто только не облюбовал ниверийские леса в качестве своего жилища. Автор (некий Б. Ф.) всех этих существ искренне недолюбливал, поэтому в основном описывал их как мерзких, опасных и, если им повезло оказаться разумными, обладающих скверным характером.

Особое внимание досталось магам. Причем про сам Ковен сказано было оскорбительно мало, а вот описаниям злодеяний темных и подвигам остальных были отведены все оставшиеся страницы. Но и тут писатель не изменил своему стилю: одних изображал карикатурно недалекими, других за что-то презирал, а герои, призванные установить справедливость, почти всегда оказывались каким-то плоскими и чересчур идейными. Хоть и казалось, что уснуть после всех кра-

сочных описаний видов упырей не получится, с рассветом я все же заклевала носом.

Разбудила меня Делайла, ворвавшись в комнату с ворохом одежды и горящими от энтузиазма глазами.

– Местная портниха тебя ненавидит, – доверительным шепотом сообщила наемница, сваливая платья на кровать. – Давай собираться.

– Куда? – настроение мое едва ли можно было назвать подходящим для чего-либо, кроме похорон конкретного колдуна.

– Во-первых, принцесса всегда должна выглядеть нарядно, – Делайла критично оглядела простенький корсет, – даже если собирается сходить в кладовку за картошкой.

– Принцессы не ходят по кладовкам, для этого слуги есть.

– А во-вторых... Ну что ты за неправильная девушка, Рила? Только посмотри, какая красота! – Наемнице мой хмурый настрой был нипочем.

Платье и правда оказалось красивым: глубокого зеленого цвета, со сложной шнуровкой и просторными рукавами. В любой другой день я бы обрадовалась обновке, но не сегодня.

– Ты знала?

– Что именно?

– Зачем меня колдун сюда привез.

Делайла несколько посуровела, отложила в сторону тряпки и присела на кровать, поджав губы.

– Конечно, знала.

– И тебе в голову не пришло меня спросить? – Почему-то мне казалось, что Делайла, как женщина, точно должна понять мою обиду и негодование.

– А зачем? Видишь ли, ты все еще не в том положении, чтобы выбирать. На твоём месте я бы Фэрфаксу еще и спасибо сказала. – Наемница, видя, что я готова начать возмущаться, властно подняла руку. – Понимаю, ты у нас гордая, но подумай-ка головой, что лучше: выйти замуж по расчету или сдохнуть в канаве?

Отвечать я не стала, угрюмо принявшись одеваться. Злодеи на то и злодеи, что не понимают, что плохого они делают.

– А ведь могло еще и так быть, – не унималась девушка, – ты себе представь: похитил колдун принцессу да женился на ней. Как тебе бы такое понравилось?

– Отвратительно, – процедила я, скривившись, когда представила Фэрфакса в этой роли.

– Вот видишь, не все так...

– А вот тебе бы подошло идеально.

Делайла осеклась на полуслове и удивленно наклонила голову.

– Сама посуди: отличная пара. Он злодей, ты – не лучше. А может быть, и хуже. Вы друг друга стоите.

Я ожидала, что в ответ прилетит по меньшей мере что-то едкое, а то и вовсе вполне материальное, но получила лишь сочувствующую улыбку. Несколько минут я одевалась в ти-

шине.

– Ничего ты об отношениях не знаешь, Рила, – Делайла помогла со шнуровкой и принялась быстро заплетать мои волосы.

– Знаю достаточно. – Я зашипела, когда ее ногти будто бы случайно оцарапали кожу за ухом. Наемница скептически приподняла брови, но промолчала.

– Ну вот, хоть немного похожа на принцессу.

Я мрачно взглянула в зеркало. Бывало и получше. Под глазами мешки, кожа бледная, на голове что-то отдаленно напоминающее прическу. То ли Делайла не старалась, то ли наши с ней представления о красоте были диаметрально противоположны.

Девушка, заметив мое кислое лицо, протянула:

– Как только Севилла тебя признает, будет у тебя толпа служанок. А пока и так неплохо.

Я не стала спорить, покорно выходя из комнаты следом за наемницей. Сохраняя молчание, мы спустились на второй этаж, немного попетляли по длинным коридорам и галереям, прежде чем проходящая мимо служанка указала дорогу к комнатам Севиллы.

В кабинет меня не пустили, оставив за дверью и приказав не входить, пока не позовут. Выждав для верности одну-две минуты, я прижалась ухом к замочной скважине. Сначала слов было не разобрать: говорили очень тихо, но вскоре отбросили приличия, так что слышать я могла и без того, что-

бы прижиматься щекой к грубому дереву.

Не знаю, чем именно Делайла провинилась, но старая графиня явно не была настроена к ней дружелюбно. Из разговора я узнала, что мой потенциальный жених отбыл с утра на охоту и вернется к концу недели. И нет, отменить это событие никак нельзя, и выслушивать упреки от какой-то наемницы Севилла точно не намерена. И тем более платить за какую-то девицу без рода и племени, и так далее и тому подобное.

– Я готова поклясться, что это – принцесса Канн...

– Клятва? – Севилла, по всей видимости, хлопнула рукой по столу. – Твои клятвы измеряются золотом, которое тебе платят. Думаешь, ты единственная? Магистр Фэрфакс за тебя поручился, но мне нужны доказательства.

Ответную речь наемницы я не разобрала, но каркающий смех Севиллы красноречиво поставил точку в их споре.

Я едва успела отскочить – дверь распахнулась с такой силой, что дерево жалобно закрипело, а из косяка что-то посыпалось.

– Ни слова, – прошипела девушка, фурией несясь вперед, так что я едва поспевала. Лестницу Делайла, казалось, просто перепрыгнула, очутившись внизу за каких-то полсекунды.

– Что произошло?

– Временное недопонимание, – не оборачиваясь, буркнула наемница.

– Такое недопонимание, что слово колдуна оказалось ценнее, чем твое? – не удержалась я от язвительного замечания.

Делайла никогда не выглядела крупной, но сила, с которой она оттолкнула меня к стене, неприятно удивила. Больно ударившись лопатками, я сдавленно охнула, а ладонь наемницы звонко припечатала стену рядом с моей щекой. Красивое, обычно спокойное лицо девушки сейчас походило на перекошенную гневную маску. Я попыталась вырваться, но наемница мгновенно пресекла попытку, схватив меня за шею.

– Еще раз, – ее прерывистое от гнева дыхание обожгло кожу, – еще раз откроешь свой рот...

Воздух словно загустел и разом потяжелел. Пальцы Делайлы медленно сжимались, я пыталась избавиться от хватки, но лишь злила ее еще больше. Как-то за всей этой кутерьмой со свадьбой и долгим путешествием позабылось, что спутники мои совсем не благородные герои – убьют и не поморщатся.

– Вижу, вы отлично проводите время, – раздался голос колдуна, как всегда размеренный и скучающий. Я скосила глаза, чтобы убедиться, что и выглядел он таким же невозмутимым. Фэрфакс стоял у лестницы, облокотившись на перила, и вертел в руках помятый конверт и надкусанное яблоко. – Как раз накрыли к завтраку.

Делайла брезгливо отстранилась. Я наконец-то выдохнула, чувствуя, как мелко дрожат колени.

– Севилла не в духе, – не глядя на Фэрфакса, процедила

наемница. – Старая карга даже слушать ничего не захотела. Подавай ей доказательство посолидней.

– Она всегда была такой. С ее прошлым это простительно. – Колдун задумчиво оглядел меня с ног до головы, подходя ближе. Под его взглядом – цепким, холодным – я даже не поежилась. К нему-то я привыкла. – Я связался кое с кем, приор прибудет к вечеру.

– Платишь из своей доли!

– *Доли?*

Зная, что парочка может разругаться на пустом месте, и тогда достанется всем, кто попадет под руку, я поспешила вмешаться:

– А кто такой приор?

– Уполномоченное лицо Ковена по некоторым... по различным вопросам. А тебе, кстати, письмо. – Фэрфакс передал наемнице конверт. – Я не стал читать.

– Это от моего друга, из гильдии, – ответила Делайла, пробежавшись глазами по мелким строчкам. Я украдкой подглядела, но слова складывались в какую-то тарабарщину. – Плохие новости: кто-то разнюхал, что она может быть в Ниверии.

– Исключено. – Колдун нахмурился. – Они проследят разве что до Острогов.

– Этого будет достаточно. Мне нужно ненадолго уехать, – Делайла досадливо закусила губу. – Тебе придется за ней присмотреть.

– Ни за что! – тут я не выдержала, резко вскинувшись, и на всякий случай отступила на несколько шагов назад. – Если вы думаете, что после всего просто можете...

Наемница оглянулась на меня:

– Знаешь, что это? – Она помахала листком перед моим носом. – Тут послание от моего старого друга, который говорит, что за голову одной недопринцессы назначена неприлично большая сумма денег. И скоро все-все наемники из всех пяти королевств попробуют попытать удачу. И знаешь, кто единственный может их остановить?

– Мой отец? Мой брат? – Я хмыкнула, прекрасно понимая, к чему клонила девушка. – Граф? Король Ниверии? Ковен магов? Дракон? Великий герой?

– И ты терпел ее столько месяцев?

– Она была менее разговорчивой, – со вздохом откликнулся колдун. – Иди, я со всем разберусь.

Дважды предлагать не пришлось: коротко кивнув, Делайла в несколько шагов преодолела лестницу и скрылась из вида.

– Я бы на твоём месте ее не злил, – вдруг проговорил Фэрфакс. – Ты ей не нравишься, если еще не заметила.

– Она мне тоже. – Я вздрогнула, когда мужчина неожиданно подтолкнул меня в сторону обеденного зала. – Я не голодна.

– А я очень. И раз уж тебе так не нравится идея, что я буду за тобой присматривать, сделаем вид, что это ты за мной

средишь. Пошевеливайся!

Я удивленно уставилась Фэрфаксу в спину. Колдун не стал меня дожидаться, быстро пройдя по коридору и скрывшись в столовой. Оттуда доносилось позвякивание посуды и тихие голоса служанок.

На секунду в голове промелькнула мысль назло ему куда-нибудь убежать, но я лишь отмахнулась от этой глупой затеи – убежать из графских владений все равно не получится, а ругаться раньше времени с колдуном не стоит. Мне еще предстояло выяснить, какая такая гильдия интересуется моей головой и чего ради за мою рыжую шевелюру назначили большую награду.

– Приятно подавиться, – пожелала я колдуну, переступая порог зала.

* * *

– Стрыга, – я подсунула колдуну под нос гравюру, – может принимать человеческий облик, чтобы заманить жертву в логово. Подвешивает и сцеживает кровь про запас. Особенно любит гниющую заживо плоть.

Фэрфакс на секунду перестал жевать, рассматривая картинку. Я старалась выбрать самую отвратительную, благо в труде Б. Ф. иллюстраций было предостаточно. Но колдуну все было нипочем: то ли желудок оказался крепким, то ли видал он что-то похуже.

– Смотри какая. – Я перевернула страницу. – Охотится в одиночку, на рассвете. Опасна даже для рыцаря в полных доспехах.

– Вживую еще милее. – Фэрфакс вновь сосредоточился на ужине. – И, кстати, она не делает никаких запасов. Выпивает все з́араз, а то, что останется, потом доживает кто-нибудь другой. И охотится в любое время.

– Тут написано по-другому.

– Можно много чего написать, но ты же не объяснишь нечисти, что она ведет себя не так, как в книжке?

Возразить было нечего, поэтому я лишь пожала плечами, перелистывая страницы в поисках новых картинок. День клонился к вечеру, солнце золотило макушки елей, и в уютной столовой даже омерзительные изображения казались не такими уж и страшными.

– А почему в Ниверии столько нечисти?

– Так повелось. Там, где есть магия, будут и всякие магические существа.

– В Катергейме тоже есть магия, а вот упырей нет.

– Не приживаются, налоги-то твоя семья дерет нешуточные, – совершенно серьезно кивнул Фэрфакс, и я едва смогла сдержать смешок.

– Вернул бы меня домой – освободила бы от взносов на всю жизнь.

– Верну домой – там-то тебе шею и свернут.

– А тебе не все ли равно? – Я прищурилась.

– А тебе так хочется умереть?

За весь день из Фэрфакса мне удалось вытянуть только туманные намеки, что мои давние похитители про меня не просто не забыли, но и пылают удвоенным энтузиазмом, желая заполучить меня мертвой. Чем я заслужила такую честь, колдун, как всегда, умолчал.

Похвастаться злодеяниями я не могла. Были, конечно, темные пятна в моей биографии – колкие слова, подслушанные секреты, чересчур требовательные приказы, упреки, скандалы, но у любой девушки таких проступков наберется с горкой. Убивать за это было как-то чересчур.

От мрачных размышлений о прошлом меня уберегло появление приора. Начитавшись трудов Б. Ф., я ожидала увидеть чванливого старца в дорогих одеждах, надменно плывущего по воздуху, потому что пол этого убогого дома недостойн столь великого мага, и так далее и тому подобное.

Наш гость оказался невысоким, толстым, но очень крепким мужчиной с щегольскими, тщательно причесанными рыжеватыми усами. Одет он был в простой коричневый балахон, при себе имел потрепанный кожаный дорожный мешок, по воздуху не левитировал, но передвигался с удивительной для его комплекции быстротой.

– Мой старый друг! – приор приветственно обнял колдуна, едва не оторвав от пола.

– Приветствую, Ормак. – Фэрфакс сдержанно поздоровался, явно не одобряя столь крепкие дружеские объятия. –

Очень благодарен, что ты откликнулся на просьбу так скоро.
– Ты же меня знаешь. – Толстяк разомкнул руки и панибратски хлопнул колдуна по плечу. – А кто эта юная и прекрасная дева?

Я не успела и рта раскрыть, как моей ладонью завладели, а потом и вовсе поцеловали. Щеки тут же запылали, а в ответ получилось просипеть что-то совсем невразумительно-вежливое. Ормака, казалось, это не смутило. Улыбаясь, он попросил повторить.

– Рирариланна Каннингемская, – с трудом выдавила я, когда мужчина выпустил мою ладонь. Немного поразмыслила и добавила, как учили: – Счастлива познакомиться со столь благочестивым господином.

Колдун рядом презрительно фыркнул.

– Итак, правильно ли я понял, что необходимо установить факт родства этого прелестного создания с Уильямом Вторым? Или с Виторией Каннингемской? Кто из этих прекрасных правителей твой родич?

Приор проговорил это с настолько обыденной интонацией, что я окончательно стушевалась и угрюмо взглянула на Фэрфакса.

– Уильямом.

– Ага, – глубокомысленно кивнул Ормак и принялся доставать магические принадлежности из мешка: свечи, пучок сухой травы, толстый фолиант в грубом кожаном переплете. Вооружившись куском мела, толстяк быстро начал чертить

на столе магические символы.

– Столько лет, столько зим от тебя не было вестей. – Он укоризненно кивнул Фэрфаксу. – Мог бы отправлять хоть короткие весточки. Мы, знаешь ли, не считаем, что из-за досадного недоразумения нужно всю жизнь посыпать голову пеплом.

– Удивительно, но я придерживаюсь того же мнения, – холодно откликнулся колдун.

– Ай-ай-ай, все такой же упрямый мальчишка, – Ормак горестно покачал головой и переключил внимание на меня. – Я думаю, ты уже это заметила. Как, кстати, тебя занесло в этот край Ниверии?

– А он не сказал? – Я изумленно уставилась на приора. – Он меня похитил!

– Неужели?

– И ужасно со мной обращался!

– Он? – Ормак недоверчиво покосился на колдуна. – Поверить не могу. И что же он делал?

Казалось бы, вот оно: пробил час, когда я обвиняю Фэрфакса во всех смертных грехах и ужасных пытках, но, как назло, слова куда-то потерялись. Собираясь с мыслями, я вдруг сообразила, что ничем действительно ужасным моя обличительная речь похвастаться не может. Колдун меня похитил, но обращался сносно: кормил, выпускал гулять, а за неповиновение я схлопотала всего лишь пару затрещин. А потом и вовсе практически отпустил. После утреннего инцидента с

Делайлой я даже поверила, что вполне легко отделалась. Но останавливаться на полпути принцессе не пристало.

– Он пытал меня каждое утро, – сказала единственное, что пришло мне на ум. – И говорил страшные гадости.

– Пытал? – Ормак озадаченно почесал нос.

– Будил по утрам и заставлял умываться, – подсказал колдун, старательно на меня не глядя.

– И спать не давал!

– Ей в голову взбрело караулить меня по ночам. Пришлось отучать.

– А гадости!.. – я подскочила к колдуну, ткнув кулаком в грудь. – А затрешины!.. А лес!.. Он использовал меня вместо приманки для нечисти!

– А вот за это извини, – неожиданно произнес Фэрфакс. – Это было ошибкой, не нужно было тебя впутывать.

Простые слова, совсем без капли магии, произвели на меня отрезвляющее впечатление. Я подавилась очередным обвинением и с нескрываемым ужасом взглянула на колдуна. Не говорит же он серьезно?

– За подзатыльник извиняться не буду, – буркнул он, отодвигая меня с дороги и подходя к столу. – И вообще, из-за тебя у меня шрам в половину ноги остался. Давайте уже покончим с этим.

– Дай руку, пожалуйста, – водрузив серебряное блюдо в центр, попросил меня Ормак.

Я послушно раскрыла ладонь, и маг, уделив немного вни-

мания линиям на коже, полоснул по ней кинжалом. Я даже испугаться не успела – из разреза упало несколько тягучих красных капель, а потом он по волшебству затянулся. Приор довольно потер руки и раскрыл объемный фолиант.

– Для чего это?

– Это специальный ритуал, – охотно начал Ормак, сосредоточенно водя пальцем по мелкому тексту. – Твоя кровь может много рассказать, если использовать правильное заклинание...

Свечи ярко вспыхнули. В комнате резко похолодало, будто из всех углов разом потянуло сквозняком. Я невольно обняла себя за плечи – платье хоть и было очень красивым, но абсолютно не грело.

– Можешь отойти, – толстячок неправильно истолковал мое движение, – если боишься.

– Не боюсь.

– А стоило бы, – мрачно сообщил Фэрфакс, оттесняя меня в угол, подальше от магической схемы. – Встань тут и не мешай.

– Не ты здесь командуешь. – Я огрызнулась, но тут Ормак воздел руки к потолку и заговорил. Его голос, властный, низкий, требовательный, совершенно не вязался с пухлой фигурой, лоснящимися щеками и всеми его разговорами ранее. Символы на столе тускло засветились алым.

– И что должно произойти? – Спустя несколько минут я окончательно замерзла и, уже не скрывая, стучала зубами.

Ормак тем временем закончил читать и низко склонился над столом, словно прислушиваясь.

– Для тебя ничего. Просто стой...

– Кэллиан, – вдруг позвал приор. Я не сразу сообразила, к кому он обратился, и только когда Фэрфакс подошел к нему и застыл, вглядываясь в сияющие руны, вспомнила, что у колдуна должно быть еще и имя. Оба мага были так увлечены ритуалом, что мне без труда удалось заглянуть им под руки.

Врать не буду, в магии я, как и любой нормальный человек, полный ноль. Не знаю, что там увидели Ормак и Фэрфакс, но мне открылась лишь кривые закорючки да капельки крови, которые подрагивали на серебряном блюде.

– Удивительно, – наконец выдохнул толстяк, разгибаясь и потирая поясницу. – Просто пора-зи-тель-но! Ты когда-нибудь видел такое?

– Нет. – Фэрфакс не разделял воодушевления. Он щелкнул пальцами, и круг погас. В комнате потеплело. – Это...

– Это просто невероятно! – Ормак разве что не подпрыгивал. – Никогда раньше с таким не сталкивался.

– С чем? – Прищурившись, я еще раз оглядела разрисованный стол. Ничего необычного, невероятного и тем более поразительного я так и не увидела. – Ну что, подтвердилось мое родство?

– Даже больше! Скажи, ты родилась в середине седьмого месяца?

– Нет. – Я пожала плечами.

– А во сколько лет проявились твои магические способности?

– У меня нет никаких магических способностей. – Я сердито сложила руки на груди, свысока посмотрев на Ормака. – Порядочным принцессам не нужна магия.

– Очаровательно! Стой и никуда не уходи. – Приор замал руками и вдруг исчез в ворохе золотых искр.

– Что это было? – Я отшатнулась, сшибая свечу на пол.

– Портал. – Фэрфакс наклонился, быстро сбивая пламя с ковра.

– И куда он перенесся?

– В свою библиотеку, в Айлонис. Ты можешь идти, это займет очень...

– Не пойду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.